

Ветер Бозов

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский

Ветер богов

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Ветер богов / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ», 2015 — (Секретный фарватер (Вече))

ISBN 978-5-4444-7795-3

В основу романа известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени А. Дюма (1993) Богдана Сушинского легли события, связанные с разработкой и испытанием гитлеровцами грозного секретного оружия – торпед и катеров-снарядов, управляемых добровольцами-смертниками. Действие романа разворачивается в Италии летом 1944 года, на базе «Икс-флотилии», которой командовал преданный Муссолини князь Боргезе. По заданию фюрера позаимствовать у Боргезе опыт применения «человеко-торпед» для потопления военных и транспортных судов противника на секретную базу прибывает руководитель диверсионной службы СС штурмбаннфюрер Отто Скорцени...

ISBN 978-5-4444-7795-3

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Ветер богов	6
1	6
2	8
3	11
4	14
5	18
6	22
7	26
8	29
9	32
10	37
11	40
12	43
13	45
14	49
15	52
16	55
17	58
18	60
19	63
20	66
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Богдан Сушинский

Ветер богов

* * *

© Сушинский Б. И., 2015

© ООО «Издательство „Вече“», 2015

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2015

Ветер богов

Я уже часто горько сожалел, что не подверг мой офицерский корпус чистке, как это сделал Сталин.

Гитлер

Понадобилась бомба у Гитлера под задницей, чтобы он уловил суть.

Геббельс

1

Окровавленный полукруг солнца растерзанно зависал над частоколом гранитных скал, вершины которых уже вовсю охватывало багровое пламя рассвета, неотвратимо поглощая их и превращая в пылающие надгробия на символических могилах всех когда-либо канувших в морской пучине.

Целая эскадра небольших сигароподобных катеров, словно стая акул, вырвалась из-за гряды косматых каменистых островков и, постепенно растворяясь в потоке оранжево-красных лучей, погибельно устремилась к факельной стене, зауспокойным ревом своих двигателей отпевая каждого, кто уже ушел с полей этой войны в небытие океана и кому еще только не сегодня, так завтра предстояло уйти.

– Катера-снаряды со смертниками на борту, – благоговейным голосом престарелого пастора пропел вице-адмирал Хейе, покровительственно глядя им вслед. – В этот раз атака тренировочная, тем не менее не хотелось бы мне оказаться на месте одного из этих парней.

– Они добровольцы, адмирал, – невозмутимо напомнил Скорцени. Он следил за атакой морских камикадзе, стоя рядом с Хейе на высоком утесе, вершина которого нависала над небольшим заливом, словно выброшенный на берег остов погибшего корабля, и рослая широкоплечая фигура его в черном кожаном плаще до пят казалась базальтовым изваянием идола, оставленного здесь язычниками давно вымершей цивилизации. – Они сами избрали свой путь к вечности, эти любимцы смерти, и впредь я не желаю слышать на этот счет никаких псалмопений. Никаких псалмопений, адмирал, если уж мы действительно собираемся потрясти воображение врагов угрозой торпедных атак наших смертников.

Оторвавшись от окуляров огромного морского бинокля, Хейе незаметно перевел взгляд на Скорцени. Глубокий серо-багровый шрам на лице «первого диверсанта рейха» устрашающе передернулся и вновь застыл, превращаясь в окаменевшую метку ярости, оставленную на этом полузабытом изваянии испепеляющим гневом Высших Сил. И хотя на плотно сжатых губах штурмбаннфюрера вырисовывалась едва заметная циничная улыбка, но даже она не способна была хоть как-то очеловечить арийского полубога германцев или по крайней мере сделать его лик более проницаемым и одухотворенным.

– Святая правда, штурмбаннфюрер: они сами избрали свой путь в вечность... любимцы смерти. Тем более, что на сей раз им еще суждено вернуться.

Утверждение Скорцени руководителем секретной службы СС по созданию оружия особого назначения¹ явилось для вице-адмирала полной неожиданностью. Но как только он узнал, кого именно фюрер назначил на пост только что созданной сверхсекретной службы, то понял,

---

¹ Такая служба действительно была создана по личному приказу Гитлера. Она является одним из малоизученных аспектов деятельности СС и руководящей элиты рейха. Штурмбаннфюрер Скорцени возглавил эту службу в феврале 1944 года.

что «морское оружие смертников» будет создано даже в том случае, когда отбираемые им, Хейе, смертники окажутся единственными на флоте людьми, уверенными в своем спасении, поскольку в истинных смертников превратятся все остальные, «не изъявившие... и в страхе молящиеся...»

– Если бы мы создали подобные эскадры смерти хотя бы годом раньше, – произнес вице-адмирал, как бы размышляя вслух, – американцы до сих пор гибли бы на рейдах Сицилии, а не вытапывали виноградники в окрестностях Рима. Я не раз докладывал Деницу о принципах формирования появившейся у итальянцев «Икс-флотилии», идея которой была заимствована князем Боргезе у японских камикадзе. Но сомневаюсь, что Дениц решился хотя бы довести мои стенания до всеслышащих ушей фюрера.

– Не тому докладывали, не перед тем стенали, адмирал, – все с той же соломоновой невозмутимостью трубил Скорцени. – Тем более, что в «Волчьем логове» никто никакие стенания уже давным-давно в расчет не принимает.

– Это уж точно, – безропотно согласился адмирал, только недавно назначенный командующим малыми боевыми соединениями военно-морского флота, само название которых еще ни о чем не говорило непосвященным. Приземистая худощаво-жилистая фигура адмирала создавалась Всевышним, исходя из медицинских инструкций по набору подводников. Привыкший к морской стихии, адмирал чувствовал себя на берегу неуютно и беспомощно, с трудом ориентируясь во всех тех армейско-придворных хитросплетениях, в которые неминуемо ввергали его новые обязанности командующего чем-то, еще не до конца созданным и толком не осмысленным. – Однако согласитесь, что времени у нас уже не осталось даже на стенания.

– И никаких псалмопений, адмирал! Никаких псалмопений! – вновь неожиданно напомнил ему Скорцени, взревев заржавевшим камнедробильным басом, который заставил не привыкшего к общению «с самым страшным человеком Европы» адмирала вздрогнуть и передернуться, словно от выстрела в спину.

Но штурмбаннфюрер СС предпочел не заметить этого. Он хладнокровно проследил, как, выстроившись в кильватерную атаковую колонну, смертники направляют свои катера на неширокую, слегка напоминающую расплюснутый нос корабля, скалу, чтобы лишь в последнюю минуту отвернуть от нее, эффектно, наудачу, прорываясь сквозь просвет между окутанными дымкой берегами островков. Где-то там, за грядой, они разворачивались и, уже на меньшей скорости, в объезд, через более широкий пролив возвращались на базу.

– Созерцая эти маневры, можно предположить, что управлять катерами они уже научились, – проворчал вице-адмирал, наблюдая, как, миновав гряду, камикадзе вновь развернулись в некое подобие веера, будто находились не на тренировке, а на морском параде.

– Осталось научиться погибать. С пользой для Германии, естественно. Вот о чем нам следует позаботиться в первую очередь.

– Вы хотели бы встретиться хотя бы с одним из этих парней?

Проходя мимо мыса, на котором они стояли, смертники приветствовали их поднятыми вверх руками, что было похоже на ритуальное приветствие гладиаторов: «Живи, Цезарь, обреченные на смерть приветствуют тебя!»

– Зачем? Они не должны видеть в лицо того, кто посылает их на верную гибель. Точно так же, как мы с вами пореже должны видеть в лицо тех, кого посылаем.

– Но мы, офицеры, всегда посылаем кого-то на смерть.

– Солдат и смертник – не одно и то же, господин вице-адмирал. Упаси вас Господь считать своих солдат смертниками.

Хейе непонимающе уставился на Скорцени. От «первого диверсанта рейха» он ожидал услышать какой угодно ответ, кроме этого.

2

Полковник фон Штауффенберг понимал, что от исхода разговора с командующим войсками резерва зависит решительно всё – и успех его замыслов, и его служба, само его существование на этом свете. Вот почему, прежде чем войти в кабинет Фромма, полковник несколько раз нервно прошелся по его приемной и молитвенно посмотрел на окно, за которым оставался последний квадратик той отведенной ему свободы, от которой он намеревался отречься по собственной воле.

– Полковник Штауффенберг? – поднялся ему навстречу командующий. Рослая внушительная фигура генерал-полковника буквально заполнила собой все пространство между столом и огромным сейфом, и даже в трех шагах от этой громадины худощавый, изувеченный, ущербный в своем естественном страхе перед шефом фон Штауффенберг явственно ощущал потлившую близость чужого, отталкивающего от себя тела. – Мой начальник штаба – да, нет?

Приказ о своем назначении полковник получил еще десять дней назад. Однако обстоятельства сложились так, что в должность вступал только сегодня.

– Так точно, господин командующий. Я принял все дела и готов приступить к исполнению...

– Тогда в чем дело, полковник? Приступайте – да, нет? – Относительно фроммовского «да, нет» полковника уже предупредил генерал Ольбрихт, с которым граф, собственно, и общался все эти дни; как и о грубоватой солдафонской манере обращения, за которой в большинстве случаев не стоит ничего, кроме все той же грубоватости. – Вам что-то неясно? Только запомните, граф фон... и так далее. Здесь не фронт, где все проясняется после того, как загорают три пулемета противника. Здесь работают и гибнут офицеры, для которых все должно быть ясным задолго до того, как противник появляется за пятьдесят метров от наших окопов – да, нет?

– Тот, у кого на фронте проясняется лишь тогда, когда противник за пятьдесят шагов от окопа, так навечно в окопе и остается, – горделиво ответил Штауффенберг. Офицер, по всем канонам военной медицины подлежащий списанию в силу своих увечий – в Африке он потерял глаз, правую руку и два пальца левой руки, – Штауффенберг с особой обостренностью воспринимал отношение к себе каждого из окружающих. Он замечал решительно всё: удивление – «Неужели этот калека все еще является строевым офицером?»; естественную, ничем не прикрытую брезгливость сидящего рядом за столом; какое-то психологическое недоверие к его устремлениям – «Тебе-то чего нужно? Ты свое отвоевал и получил».

– Вот именно, там и остается, – охотно поддержал его Фромм. Квадратно-загрубелое, усеянное мелкой кожей шелухой лицо командующего, лишенное всякой пластичности и красоты линий, являлось самым непосредственным отражением характера этого человека – не нуждающегося в том, чтобы кому-либо нравиться и чтобы его воспринимали не так, как сам он воспринимает всех окружающих.

Но похоже, что к такому же способу поведения командующий приучил и своих подчиненных. За эти несколько дней, которые Штауффенберг провел в коридорах, кабинетах и курилках штаба войск резерва, он наслышался о Фромме такого, чего никогда не приходилось в открытую слышать ни об одном даже самом неотесанном фронтовом фельдфебеле. Наиболее вежливое из этих суждений сводилось к тому, что армию генерал-полковник Фромм обожает за царящие в ней порядки, позволяющие ему вести себя как индийскому слону на лесоповале. Графу это определение понравилось своей исключительной образностью.

– Господин командующий, поскольку нам придется работать вместе, я хотел бы, чтобы вы знали мои намерения. Возможно, мне не следовало бы говорить этого, однако честь и долг офицера требуют... Исключительно из соображений лояльности...

Фромм давно сел, однако предлагать кресло начальнику штаба не торопился. Откинувшись на спинку и сложив руки на едва выступающем животике, он полусонно уставился на Штауффенберга.

– Из соображений лояльности? Теперь уже вопрос может стоять так: начальник штаба позволяет себе быть нелояльным по отношению к командующему – да, нет?

– По отношению к фюреру, господин генерал.

– Ах, к фюреру? – со свойственным ему хамовитым легкомыслием переспросил Фромм. – Оказывается, я вам нравлюсь. Не нравится фюрер – да, нет?

Штауффенберг вдруг вспомнил историю, рассказанную кем-то из офицеров во время их тайной встречи на квартире генерала Ольбрихта. Речь тогда шла о другом командующем, фельдмаршале фон Манштейне. Поняв, что он оказался в кругу заговорщиков, фельдмаршал с ужасом в глазах поинтересовался: «Так вы что, собираетесь покушаться на фюрера? Вы хотите убить его?!» На что один из присутствующих офицеров со спокойствием человека, взошедшего на эшафот, ответил: «Так точно, господин фельдмаршал. Только убить. Причем как бешеную собаку».

Оказалось, что лишь такой ответ способен был вывести командующего из оцепеняющего изумления и заставить поверить: перед ним не провокаторы гестапо, а люди, действительно преисполненные решимости совершить переворот.

– А что, собственно, вы имеете в виду? – просыпается от летаргического сна генерал Фромм. В голосе его ни настороженности, ни подозрения. Оголенное, сугубо информативное любопытство.

– Как дворянин и офицер, я считаю своим долгом довести до вашего сведения, что принадлежу к тем людям, которые готовят государственный переворот. И прежде всего – покушение на фюрера². Я считаю, что вы обязаны знать об этом, поскольку нам придется работать вместе. Вы имеете право знать о моем отношении к фюреру. Чтобы потом, когда начнут свершаться факты...

– А они начнут свершаться – да, нет?

– Можете в этом не сомневаться, начнут, – жестко подтвердил Штауффенберг. – Так вот, чтобы потом у вас не было оснований упрекать меня в том, что я поставил вас в идиот... – полковник прокашлялся и исправил оплошность, – в неловкое положение.

– Идиотское – куда точнее, – осклабился Фромм. Его неотесанное лицо сделалось еще грубее, широкая нижняя челюсть дегенеративно отошла куда-то в сторону, словно пыталась отделиться от остальной части лица. Огромные волосатые кулачищи легли на дубовую желтизну стола, словно два пушечных ядра, фитили которых вот-вот должны догореть. – Продолжайте, начальник штаба, я слушаю вас. Я весь внимание. Ни один следователь, ни один палач не станет выслушивать вас с такой признательной внимательностью, как это делает ваш командующий, Клаус граф Шенк фон Штауффенберг, – по слогам произнес его имя и титулы Фромм, словно считывал с судебного дела.

– Это все, что я могу, а главное, должен бы сказать вам, господин генерал-полковник. Если у вас возникли вопросы...

«А ведь он уже знает, что у меня состоялись беседы с Беком и Ольбрихтом, – холодно прицеливался к нему Фромм, словно выбирал, где, на каком участке тела должен остановиться ствол пистолета. Он понимает, что все, что здесь происходит, делается с моего молчаливого согласия. Вот почему заявляет мне все это со столь наглой беспечностью. Он считает меня повязанным обязательствами».

– И как же, по-вашему, я должен реагировать на подобные заявления подчиненных?

---

² Каким ни странным кажется подобное признание начальника штаба своему командующему, оно является реальным историческим фактом. Хотя и невероятным.

– Как велит вам долг. Но не перед фюрером, а перед великой Германией.

– Вы мыслите себе ее без фюрера, эту великую Германию, – да, нет? Я, признаться, весьма смутно представляю себе подобную перспективу.

Штауффенберг промолчал. Поначалу Фромм решил было, что, застигнутый его замечанием, полковник сосредоточивается. Но когда пауза непростительно затянулась, понял, что все значительно сложнее – граф просто-напросто не желает вступать в подобные полемики. То ли устал от них, то ли считает бессмысленными.

– Не много же у вас аргументов, – заметил командующий. – И молчание ваше тоже неубедительно.

– Тем не менее вы признаете, что я прав.

– Если мне не изменяет память, вас назначили начальником штаба, граф-полковник Штауффенберг, – да, нет?

– Так точно, господин командующий.

– Идите и приступайте к исполнению своих обязанностей, или, может быть, вначале вы собираетесь убить фюрера – а уж потом заняться исполнением своих непосредственных служебных обязанностей?

– Второй вариант для меня предпочтительнее. Тем не менее вначале я займусь сугубо штабными делами.

Массивная нижняя челюсть Фромма вновь отвисла и, описав полукруг, словно жернов, вернулась на место. Его поразила эта страшная откровенность полковника. Насколько же нужно ненавидеть фюрера и насколько не ценить свою собственную жизнь, чтобы решиться на такую безоглядную заговорщицкую храбрость, признал командующий. Неужели они задумали все это всерьез? «Нет, – сказал он себе, вновь провернув нижней челюстью-жерновом, – люди, всерьез задумавшие убить фюрера и осуществить государственный переворот, так вести себя не могут. Не должны».

– Вы – самоубийца, полковник Штауффенберг, – швырнул он, словно нож, в спину полковнику, который уже взялся за дверную ручку. – Мне жаль вас.

Граф оглянулся, и единственный глаз его кровависто взблеснул, отражая оранжевый луч предзакатного солнца.

– Вы абсолютно правы, господин командующий. Но почему вы имеете в виду только меня?

– Кого же еще?

– Всю нацию.

– Нация самоубийцей не бывает.

– Ошибаетесь. Нация, позволившая прийти к власти такому человеку, как фюрер, – это и есть нация самоубийц. Так не кажется ли вам, что гибнуть нам предстоит всем вместе?

– Это вам так хотелось бы – чтобы всем вместе – да, нет?

3

Они вылетали с восходом солнца.

Небольшой строй летчиков – на продуваемой океанскими ветрами взлетной полосе острова. Гортанные слова напутствия, которые прокричал, глядя на шестерых пилотов-смертников, свирепого вида полковник-самурай...

Камикадзе по очереди подходили к столику, кланялись полковнику, кланялись лежавшему на столике ритуальному самурайскому мечу и императорскому флагу Страны восходящего солнца на невысоком флагштоке...

Гитлер просматривал этот специально для него доставленный из Японии документальный фильм уже в четвертый раз. И в четвертый раз во время ритуальной сцены клятвы императору он приподнимался и, вцепившись руками в спинку переднего стула, оцепенело всматривался в лица добровольцев смерти.

Мужественные, с окаменевшей суровостью, лица. Мужественные улыбки. Решимость во взглядах... Они идут на гибель. Они сознательно идут на нее.

«Эти пилоты добровольно избрали путь посвящения своей жизни императору. Они не рассчитывают на спасение. Если бы кто-то из них каким-то чудом спасся, то воспринял бы свое спасение как божественную тень позора, падающую не только на него, но и на весь его род. И наверняка покончил бы жизнь самоубийством. Сейчас сознание камикадзе подчинено только одной мысли: завершить полет так, чтобы гибелью своей принести гибель как можно большему числу врагов и тем самым посвятить свою жизнь императору...» – читал за кадром диктор. И Гитлер ощущал почти физическую потребность шагнуть из зала туда, на экран, присоединиться к строю камикадзе, сесть в обреченный самолет и «священным ветром богов» вознестись в утреннее небо.

– Где сейчас Отто Скорцени? – неожиданно спросил Гитлер стоявшего рядом с ним, чуть позади, Кальтенбруннера.

– В Италии, мой фюрер.

– Визит вежливости Муссолини?

– Дуже давно мечтает о нем. Однако сейчас не время наносить визиты. Скорцени занимается созданием флотилии катеров-снарядов, которыми будут управлять морские камикадзе, люди-торпеды.

– Ах да. Значит, он уже там? Морские камикадзе... Это мой приказ, обергруппенфюрер. Мы должны показать всему миру, что дух германских воинов ничуть не ниже духа японских самураев. Применяя эти неизвестные ранее методы войны на море, мы заставим английских и американских адмиралов с содроганием ждать каждой атаки наших моряков-смертников.

– И они будут содрогаться.

– Давно он в Италии?

– Отправился сразу же после того, как вы пригласили его сюда для просмотра этого фильма.

Гитлер многозначительно прокашлялся и, сложив руки на животе, вновь уставился на экран. Находившиеся вместе с ним в подземном кинозале «Бергхофа» Кейтель, Йодль и Кальтенбруннер продолжали стоять, считая невозможным для себя сидеть в той ситуации, когда фюрер внемлет происходящему на экране стоя.

Пилоты по одному подходили к офицеру и принимали из его рук стопочку рисовой водки. Выпивая это священное пойло, они отдавали честь, кланялись, что-то кричали и мчались к своим машинам.

Самолеты выруливали навстречу ветру и после недолгого разбега стартовали, нацеливаясь на огромный огненный шар солнца, поднимавшегося из океана, чтобы окрашивать в кроваво-розовый цвет прикрепленные к кабинам штурмовиков императорские флажки.

– Не забудьте, Кальтенбруннер, что мы должны будем создать такой же фильм о своих морских камикадзе, – проговорил Гитлер, тяжело опускаясь на свое место. – И обязательно сделать так, чтобы он «случайно» попал в руки японской разведки или же сотрудников японского посольства.

– Что одно и то же, – согласился начальник полиции безопасности и службы безопасности.

Машины камикадзе заходили со стороны солнца и устремлялись на американский корабль. Совершенно лишенные чувства самосохранения, их пилоты становились довольно легкой добычей корабельных зенитчиков, но некоторые машины все же достигали своей погибельной цели, обрушиваясь на палубы горящими обломками фюзеляжей или же снарядами врезааясь в корабельные надстройки.

– Нам известно, что, в свою очередь, японцы уже проявили огромный интерес к фильму о похищении Муссолини, – нарушил общее молчание Кальтенбруннер. – А заодно и к самому Скорцени.

– И к нему тоже? – насторожился Гитлер. – В чем это проявляется?

– Пока что они стараются не упускать его из виду, словно опасаются, что однажды он получит задание доставить в Берлин императора Хирохито.

К удивлению Кальтенбруннера, фюрер никак не отреагировал на это предположение. Он занят был своими мыслями, далекими от страхов самураев.

– Придет время, и я лично подарю фильм о Скорцени сэру Черчиллю, – неожиданно улыбнулся фюрер, по привычке прикрывая свою улыбку наискось приложенной ко рту ладонью. – Он до конца дней будет признателен мне за такой подарок.

– Думаю, что мы сможем подарить ему не только эту ленту, – добавил Кальтенбруннер, имея в виду перефотографированную его службой корреспонденцию Муссолини. Однако фюрер не стал выяснять, на что именно намекает шеф СД, и этим спас его от излишних объяснений. К тому же обергруппенфюрер еще и не уверен был, что Гитлер одобрит их старания: ведь письма касались не только Черчилля, но и Муссолини.

Фильм кончился. В небольшом просмотровом зале зажегся свет, и генералы поднялись, ожидая, что фюрер каким-то образом прокомментирует увиденное, как это он обычно делал после предыдущих просмотров. Но Гитлер с какой-то романтической тоской посмотрел на экран, нахлобучил на уши свою бронированную фуражку³ и, гордо запрокинув голову, словно это он только что раздавал своим смертникам стопочки с рисовой водкой, направился к выходу.

«А ведь запечатленное в этом фильме самурайское геройство камикадзе воздействует на фюрера как психологический наркотик, – подумалось Кальтенбруннеру. – Уж не воспринимает ли он и себя таким же пилотом-камикадзе, самолет которого давно оторвался от взлетной полосы истории и неукротимо несется на огненный шар солнца?»

– Послушайте, Кейтель, кажется, в прошлый раз вы говорили о том, что можно было бы подумать и об управляемых пилотами-смертниками ракетах «Фау-2», – молвил Гитлер, как только они вышли из душноватого помещения резиденции и вновь оказались на открытой террасе.

– Так точно, мой фюрер. Хотя... – начальник штаба Верховного главнокомандования взглянул на Кальтенбруннера и тотчас же поспешил уточнить, – эту мысль высказал не я, а штурмбаннфюрер Скорцени.

---

³ Реальный факт. Фюрер носил особую бронированную фуражку-каска. Выглядел он в ней, судя по фотографиям, не очень-то воинственно и элегантно, зато надеялся, что, в случае покушения, она способна дать ему определенный шанс на спасение.

– Так вот, отдайте соответствующим службам приказ начать отбор добровольцев. При этом важно, чтобы официальное число солдат, изъявивших желание пожертвовать жизнью во имя рейха, значительно превышало нужное нам число камикадзе.

– Цифра, которую получит из штаба ведомство Геббельса, покажется впечатляющей. Тем более, что она будет совершенно реальной.

Гитлер хотел сказать еще что-то, однако мощный нарастающий гул, доносящийся из-за вершины горы, заставил его умолкнуть и, перегнувшись через барьер, оглянуться на едва выступающий из-за здания склон соседней горы. Это из-за ее гранитного ребра один за другим медленно выползали звенья английских «москито», направлявшихся в сторону Баварии.

Заработали установленные неподалеку от резиденции зенитки, но клинья боевых машин лишь немного рассредоточились и продолжали свой путь на северо-восток.

«Эти все еще надеются вернуться на свои базы, – иронично посмотрел им вслед Гитлер. – И в этом их слабость. Солдат – только тогда настоящий солдат, когда он окончательно лишился иллюзии спасения своего тела. А спасение души видит в том, чтобы пожертвовать бранным телом во имя Родины. Нет, не Родины, – уточнил он. – Императора. Короля. Фюрера... Толпа привыкла поклоняться личности. Сильной личности. Вот почему не рейху должны поклоняться мои солдаты, а фюреру».

4

Командный пункт морской базы малых боевых соединений Военно-морского флота располагался на берегу Лигурийского моря, в одном из зданий итальянской военно-морской базы. Из окна кабинета, который был выделен начальнику секретной службы по созданию оружия особого назначения, видны были часть Генуэзского залива, вершины скал, которые по-прежнему подвергались учебным атакам смертников, и застывший далеко на горизонте черный силуэт сторожевого корабля, одного из немногих, оставшихся еще в распоряжении Вооруженных сил правительства Муссолини.

Уже дважды над заливом появлялись звенья легких английских бомбардировщиков «москито», и дважды в зенитном дивизионе, прикрывавшем базу, объявляли тревогу, однако англичане чопорно проносились в какой-то миле от берега, по нейтральной зоне, между границей досягаемости орудий сторожевика и базы, и, не произведя ни единого удара, уходили в сторону Корсики.

– Напоминают, что скоро нам придется убираться и отсюда, – проворчал только что вошедший вице-адмирал Хейе, наблюдая за разворотом второго звена. Джентльменские визиты англо-американцев, повторяющиеся, как оказалось, чуть ли не ежедневно, уже давно не раздражали его. – И что-то я не вижу силы, способной отгнать их.

– Как считаете, почему они не бомбят? – спросил Скорцени, уже добрых двадцать минут стоявший у окна. Созерцая прибрежный пейзаж, он вспоминал Корсику, и его тянуло туда, на берег пролива Бонифачо, в ресторанчик «Солнечная Корсика», в котором, несмотря на всю нервотрепку, сопровождавшую операцию по похищению Муссолини, он провел несколько прекрасных часов почти курортного безделья – за бутылкой корсиканского вина, а случалось, и в обществе черноглазых корсиканок.

– Вначале я думал: разведывают, изучают, чтобы однажды разгромить нас, – ответил адмирал, отходя к столу. – Но теперь склоняюсь к мысли, что Бадольо сумел уговорить своих новых союзников не сокрушать итальянские военные базы. К чему? Ведь все равно достанутся им.

– Пораженческие настроения, господин адмирал. Но доля истины в них есть. Союзникам нужна вся Италия и в как можно более целом виде.

Скорцени хотел добавить еще что-то, но, увидев на ведущей к зданию крутой каменистой тропе фигуру военного моряка, воздержался:

– Это и есть один из ваших камикадзе, адмирал?

Хейе оставил в покое телефон, вновь остановился рядом со штандартенфюрером и некоторое время наблюдал за тем, как парень неспеша приближается к командному пункту.

– Да, это один из камикадзе. Как вы и просили. Если не возражаете, оставлю наедине с ним.

– Надеюсь, мундир штурмбаннфюрера будет смущать его меньше, чем мундир адмирала.

Хейе вышел из кабинета. Проводив его взглядом, Скорцени посмотрел на часы. Через двадцать минут должна прибыть машина князя Боргезе, которая доставит его на виллу итальянского аристократа, расположенную где-то между Империей и Савоной. Там, у виллы, на берегу небольшого озера, обучается элитная группа подводников-диверсантов, задуманная как некая тайная диверсионная гвардия, с помощью которой еще один романтик войны, князь Боргезе, со временем намерен создать новую Римскую империю.

Скорцени пока очень плохо представлял себе реальность создания этой новой Римской империи, однако успокаивало его то, что и сам князь Боргезе тоже представлял ее себе не отчетливее.

– Господин штурмбаннфюрер, рядовой особой «Марине-коммандос-5» Йоханнес Райс...

- Ясно, Йоханнес Райс, – прервал его доклад Скорцени. – Давно в «Марине-коммандос»?
- Третью неделю, господин штурмбаннфюрер.

Скорцени почти по-отцовски осмотрел шупловатую, тщедушную фигуру Райса, заостренные плечи которого были похожи на сложенные ангельские крылья. Смертник сразу же показался «первому диверсанту рейха» хилым, жалким и от рождения обреченным.

«А какой такой особый физический отбор требуется для отряда смертников, вся задача которых сводится к тому, чтобы точно направить управляемую „человеко-торпеду“ на вражеский корабль? – остепенил себя Скорцени. – В конце концов их отбирали не для твоей фриденбургской рати».

- Сколько лет вы прослужили во флоте, прежде чем были переведены сюда?

– Ни дня.

Скорцени озадаченно потер подбородок.

- Вообще ни дня?

- Даже моря не видел.

Скорцени прошелся по комнате, остановился напротив Райса и вновь внимательно осмотрел его. Как ни пытался «марине-коммандос» тянуться перед ним, стойки смирно все равно не получалось. Этот парень явно не был создан для армии. Впрочем, сама армия тоже задумывалась не в расчете на подобную хилость.

- Тогда как же вы попали на эту базу?

– Из зенитной артиллерии. Узнав об этой школе, я понял, что здесь собрались настоящие германцы. И дал согласие.

Ответ показался Скорцени заученным и неискренним. За ним скрывалось что-то сугубо личное, чего этому смертнику не хотелось разглашать даже накануне гибели. По его пониманию, в эту школу уходили, как в монастырь, только после отречения – духовного отречения! – от брэнного мира.

- То есть вы представления не имели ни о катерах, ни обо всем остальном, что связано с морем?

– Да вы не беспокойтесь, господин штурмбаннфюрер, – встревожился Райс, – вождение катера я уже усвоил. К тому же я немного разбираюсь в моторах. Ничего сложного во всем этом нет.

– А меня беспокоит не ваша техническая подготовка, – тон Скорцени стал более твердым. – Я хочу знать, достаточно ли вы проинформированы о том, что это за «Марине-коммандос-5», каковы ее истинные задачи.

Райс передернул плечиками-крыльцами, как ученик, пытающийся вспомнить то, чего никогда не знал. Тем более, что Скорцени действительно нависал над ним, словно грозный учитель над нерадивым подростком.

– Нам дали прочитать брошюру японских камикадзе, – поднял Райс на штурмбаннфюрера серые, уже почти ничего не выражающие глаза. Они вдруг показались Скорцени глазами самоубийцы, для которого таких понятий, как борьба за жизнь, страх, инстинкт самосохранения, с некоторых пор попросту не существует. – Там все описано довольно ясно. И если такие команды могут создавать японцы, жертвующие собой ради императора, и даже итальянцы, эти несчастные макаронники, то почему не в состоянии создавать их мы? Во имя Германии и фюрера.

– Следовательно, вам, рядовой Райс, известно, что катер или торпеда, в которую вас посадят, рассчитаны на использование с самоуничтожением⁴.

---

⁴ «Использование с самоуничтожением» – авторство этого выражения, ставшего военным термином, принадлежит, как утверждают, самому Отто Скорцени. Особенно широко оно использовалось германскими летчиками, в среде которых дух камикадзе витал еще усерднее, чем в среде моряков.

– Как? – не уловил смысла его термина смертник.

– Использование с самоуничтожением, – процедил Скорцени. Его всегда раздражала необходимость повторять что-либо, об этом знали все подчиненные. – То есть вы гибнете во время атаки судна.

– Вступая в «Коммандос-5», мы даем клятву пожертвовать своими жизнями за идеалы национал-социализма. На цель мы выходим, не рассчитывая вернуться живыми, – четко, заученно отрубил камикадзе.

«Что ж, тогда все верно. Эти парни знают, на что идут», – с облегчением подумал штурмбаннфюрер, считая, что разговор окончен. Ему важно было убедиться, что набраны именно добровольцы и что среди новоявленных камикадзе не начнется дезертирство и не появятся отказы от выхода на задание.

– Значит, вы, Райс, утверждаете, что все коммандос вашего отряда пришли в него так же, как вы – жертвуя собой во имя фюрера и Германии?

– Так точно.

Скорцени одобрительно кивнул и вновь задумчиво прошелся по кабинету.

– Вы в этом уверены?

– Так точно.

– Благодарю, свободны.

– Хайль Гитлер!

Смертник уже взялся за ручку двери, когда Скорцени, неожиданно даже для самого себя, окликнул его.

– Послушайте, Райс, а вам известно, кто перед вами?

– Так точно: штурмбаннфюрер Скорцени. Мы читали о вас, – все так же ровно, безучастно, отрапортовал «человек-торпеда». – Многие стремятся подражать вам как «первому диверсанту рейха».

– Ну, это вовсе не обязательно. Я, собственно, о другом. У меня есть возможность включить вас в свою диверсионную группу и таким образом... – он хотел добавить: «спасти вас», однако раздумал. Впрочем, Райс прекрасно понял, что имелось в виду. Только сейчас, подступив к нему поближе, штурмбаннфюрер заметил, что глаза смертника оживились, в них появилась вполне осязаемая тоска обреченного.

– Простите, господин штурмбаннфюрер, но теперь это уже невозможно, – пролепетал он одеревеневшими губами. – Мы поклялись. Среди нас нет трусов. И потом, каждый вытянул свой жребий.

– Какой жребий?

– Чтобы все по справедливости. Мы сами решаем, кто идет первым, вторым. У каждого свой порядковый номер. Никто не должен чувствовать себя изгоем, которого стая бросила на съедение.

– И какой же номер достался вам?

– Первый, – вскинул подбородок Райс. И Скорцени уловил, что смертный жребий является предметом гордости этого человека.

– По-нят-но... У вас была какая-то мечта, Райс? – Скорцени не смутило, что о мечте он спросил в прошедшем времени. Уж он-то знал, что атаку первых «камикадзе-торпед» намечено провести через трое суток.

– Была. Стать офицером. Истинным прусским офицером.

– Офицера не обещаю, Райс. Не в моей воле. Единственное, что могу гарантировать, что на задание вы уйдете унтер-офицером. Приказ об этом будет издан в день выполнения вами задания. Я позабочусь об этом.

– Весьма признателен.

«Ты подарил ему надежду, – мрачно сказал себе Скорцени, когда дверь за смертником закрылась. – Предоставив выбор: камикадзе или твоя диверсионная группа, – ты уже сейчас погубил его. Теперь над ним будет тяготеть спасительная звезда этого выбора: „Согласись я тогда – глядишь, и пережил бы войну“. А может быть, в психологическую подготовку камикадзе следует ввести и этот элемент – испытание на верность клятве еще до выхода на задание?»

– Господин вице-адмирал, – поинтересовался он у вновь появившегося Хейе, – у моряков-диверсантов, которые уходят на задание на катерах, в принципе есть возможность оставить свою торпеду?

– В принципе – да.

– Они должны быть заминированы таким образом, чтобы при попытке покинуть свой снаряд камикадзе неминуемо погибали, – пророкотал Скорцени, полузакрыв глаза и глядя куда-то в потолок. – У них не должно оставаться никаких надежд на счастливое предательство во имя спасения. «Использование с самоуничтожением» – вот как отныне это будет именоваться, да простят меня знатоки военной терминологии.

– Не думаю, чтобы кто-либо из моих «истинных германцев» решился на подобное дезертирство...

– Опять эти философские псалмопения, господин вице-адмирал, – осуждающе прервал его Скорцени. – А я о конкретных вещах. У них не должно оставаться никаких иллюзий, никаких надежд, дьявол меня расстреляй!

5

Это была одна из тех «прикаминных» трехчасовых проповедей, которые Еве Браун приходилось выслушивать каждый вечер. Чувствовала она себя при этом по-разному. Когда Гитлер увлеченно размышлял в узком кругу своих «прикаминных апостолов» – Кейтель, Борман, Йодль, иногда еще Раттенхубер и Гиммлер – о естественном превосходстве арийской расы, об определенной Высшими Посвященными исторической роли Германского рейха в переустройстве существующего миропорядка, – это ее, бывало, по-настоящему захватывало.

В такие минуты Ева сожалела, что до сих пор о Гитлере говорят лишь как о руководителе рейха, канцлере, фюрере. А пора бы уже открыть Европе глаза на то, что с альпийских лугов Австрии к ее народам сходит величайший оратор и проповедник, который давно мог быть удостоенным высших ученых степеней и дворянских титулов.

Но совершенно по-иному воспринимала его Ева, когда Гитлер вдруг пускался в рассуждения о полотнах немецких художников – Фойербаха, Грютцнера, Шпицвега; брался судить о брюггской «Мадонне» Микеланджело, о работах Леонардо да Винчи, Рембрандта, братьев Ван Эйк. Вот тогда Браун начинала нервничать, побаиваясь, как бы он не сбился с тональности, не запутался в терминах, не перепутал имена мастеров.

К счастью, память у фюрера все еще была отменной, если только в ней не случались труднообъяснимые многоминутные провалы, во время которых «ее фюрер» мучительно молчал, заставляя столь же мучительно и неловко молчать все окружение. Люди не знали, как вести себя. Они томились. Атмосфера в гостиной «Бергхофа» накалялась до совершеннейшей психологической несовместимости, до нетерпения друг друга. И Ева ничего не могла поделать в этой ситуации. Ее неосторожное вмешательство способно было вызвать у фюрера приступ неукротимой ярости.

А в то же время присутствовать при подобных искусствоведческих экзальтациях Еве было тягостно вдвойне.

Она, как никто иной, знала, что суждения о многих полотнах восприняты Гитлером понаслышке, из уст хранителей и реставраторов музеев в Линце, Мюнхене, в замке Хрэншвангау, который по его воле постепенно превращался в огромный всемирный запасник произведений искусства и для которого скупали или же изымали полотна лучших мастеров эпохи Возрождения, германского барокко и прочих национальных школ из музеев нескольких европейских стран.

Но все же самым мучительным было ее присутствие в те минуты, когда кто-либо из окружения – чаще всего рейхсмаршал Геринг – вдруг провоцировал фюрера на рассуждения о театральной жизни – об опере Рихарда Вагнера «Майстерзингер», о постановках на мюнхенских или венских подмостках «Веселой вдовы», «Летучей мыши» или его любимой оперы «Гибель богов».

Ева-то прекрасно понимала, что фюрер уже давным-давно не посещает оперу и даже крайне редко прослушивает граммофонные записи отдельных арий. Кроме того, Ева без труда замечала, что в пылу менторского поучения политических собратьев фюрер очень часто ограничивался повторением тех сведений из жизни германской музыкальной богемы, которыми снабжала его она, его «рейхсналожница».

И вот тогда Браун, рискуя быть униженной и изгнанной из круга «прикаминных апостолов», изо всех сил старалась увести разговор к какой-нибудь более изведанной Адольфом теме, например к проектам генеральной застройки исторического центра Мюнхена.

...Но сегодня Гитлер неожиданно заговорил о России. О Сталине. И Ева заметила, как нервно повел головой рейхсфюрер СС Гиммлер, услышав пассаж относительно того, что, будь Россия сейчас завоеванной, фюрер доверил бы ее управление все тому же вождю всех времен

и народов маршалу Сталину. Предварительно, конечно, лишив его звания маршала и короны вождя всех народов.

– По-моему, фюрер, это было бы нечто вызывающе неслыханное в истории Европы, – задумчиво потер пальцами скулы фон Кейтель. – Освободить народы России от тирании большевиков, чтобы вновь доверить их судьбы отпетому обер-коммунисту? Впрочем, – тотчас же замялся начальник Генштаба, – согласен, в этом что-то есть...

– Не «что-то», – откинулся фюрер на спинку своего глубокого кресла, в котором почти возлежал, касаясь ногами каминной оградки, – а понимание того, что в России вряд ли нашелся бы сейчас человек, который бы лучше Сталина знал секреты рабской трудоспособности и холуйского повиновения русских своим большевистским вождям.

– Очень точно подмечено, мой фюрер, – по-фельдфебельски подбодрил его генерал Йодль. – Не нашелся бы.

– И вряд ли существует на земле человек, способный столь жестоко истреблять свой собственный народ за малейшую провинность, мизернейшее непослушание. Зачем нам самим истреблять ненужные рты нищей России, навлекая на себя гнев богов и народов, если этим с успехом способен заниматься наш дражайший Коба?

– Вопрос в том, станет ли Сталин заниматься этим, – совершенно некстати усомнился Борман. Этот боров так и не научился попридерживать язык, чем вызывал у Евы еще большую ненависть, замешанную на страхе.

Воцарилось идиотское молчание. Все ждали, что же ответит Гитлер. А Гиммлер в это время внимательно наблюдал за Евой, которая сидела чуть в сторонке, справа от огромного каминного зева. Свет в гостиной погашен не был, и рейхсфюрер отлично видел, как заострились все еще довольно привлекательные черты Браун. Он часто ловил себя на том, что задерживает взгляд на белокурой «рейхсналожнице», – а кто этим не грешил в сугубо мужском собрании «прикаминных апостолов»? – однако раскаиваться не собирался.

Вот и сейчас Гиммлер откровенно любовался Евой. И там было чем любоваться. Сосредоточенное полуаристократическое лицо ее не могло не привлекать внимания. Утонченный, с едва заметной горбинкой, нос; довольно выразительно очерченные бантики губ; усталые, всепрощающие карие глаза с томной поволокой прирожденной иронии, в которые хотелось всматриваться, как в собственное отражение в горном роднике, не боясь при этом быть пойманным за самолюбованием, отвергнутым или осмеянным.

Вряд ли Еву Браун можно было назвать красивой. Но что-то по-девичьи смазливое, завлекающее в ней, конечно, проступало. В концлагерях, в партиях, которые в его присутствии готовили к отправке в газовые камеры, Гиммлеру не раз приходилось подмечать куда более очаровательных женщин, сохранивших свою изысканность даже после двух-трех месяцев пребывания в «раю смерти». Особенно это касалось скандинавок с их нордической красотой богинь...

Нормандкам Ева, к сожалению, уступает, вынужден был признавать рейхсфюрер СС, испепеляя наложницу фюрера свинцовыми лучами своих очков. Но все же что-то такое, шаловливо-приторное, в облике этой тридцатилетней придворной рейхсдамы есть. Больше всего Гиммлеру нравилось наблюдать ее в те минуты, когда Браун покидала их, медленно поднимаясь по лестнице. Вот тогда становилось очевидным, что у нее божественным резцом выточенные икры ног и nepозволительно сохранившийся до такого возраста невинно-девичий стан. Иногда Гиммлеру казалось, что, достанься эта женщина ему, личная жизнь его представлялась бы куда более ухоженной, чем сейчас. Но в то же время он понимал, что такие женщины должны принадлежать только фюрерам. У вторых и третьих лиц государства они не задерживаются.

...А вот что касается сакраментального вопроса рейхслейтера Бормана относительно того, станет ли товарищ Сталин и дальше заниматься марксистско-ленинским укрощением

своих колхозных энкавэдист-подданных, то ответ на него в эти минуты Гиммлера совершенно не интересовал. Другое дело – фюрера.

– Вы так и не уяснили для себя главной загадки кремлевского вождя, Борман. Несмотря на подозрение в том, что являетесь тайным поклонником его стиля.

– До сих пор утверждали, что я поклоняюсь Берии, – невозмутимо парировал Борман, оставаясь совершенно убежденным в том, что люди, которым в этом государстве позволено хоть в чем-то подозревать партайфюрера рейха, подозревать его в чем-либо всерьез попросту не осмелятся.

– Этот кавказец, Борман, спустился с гор вовсе не для того, чтобы по-мессиански выводить русских из погибельной пустыни на обетованные земли коммунизма, а для того, чтобы, правя ими, сотворять собственную империю. Не империю русских, украинцев или туркменов, а свою собственную, империю Сталина. «Один мир – один правитель» – вот его кредо. С тем же благоговением, с каким он вырвал власть у умирающего Ленина, он примет эту власть и из рук низвергнувшего его Гитлера.

– Знал бы Сталин об этом в сорок первом, – с армейской прямоотой осадил главнокомандующего начальник Генерального штаба. – Не стал бы он с таким упорством сражаться ни за Москву, ни за Ленинград.

С наступлением еще одной великосветской паузы все увидели, как Ева Браун, стараясь не привлекать внимания, поднялась и, едва заметно кивнув Гитлеру, словно говоря ему: «Вы и эту, словесную, войну тоже затеяли совершенно напрасно», – пошла к себе наверх.

Мужчины усиленно старались делать вид, что не провожают ее взглядами, однако скрыть от фюрера их плотоядности не удавалось. Недовольно прокряхтев, Гитлер повернулся лицом к камину, словно к костру, разведенному посреди заснеженной русской равнины, и сгоряча обратился к событиям на Восточном фронте, что случалось с ним крайне редко. В своих прикаминных экзальтациях эту тему он обычно старался не затрагивать.

Только Гиммлер все же позволил себе не отводить взгляд.

«Как же прекрасно она скроена! – подумал он, осматривая стройный, непонятно как сохранившийся стан первой фрейлины рейха. – На месте фюрера я бы давно „короновал“ ее, узаконил место этой женщины в императорской иерархии и представил миру во всем блеске. Да, но лишь на месте фюрера...»

С тоской переварив эту крамольную мысль, Гиммлер нервно поерзал в своем кресле и с раздражением подумал, что еще не менее часа придется выслушивать рассуждения Гитлера ни о чем. Которые ему уже порядком надоели. При всем его почтении к фюреру.

И еще он обратил внимание, что это первый случай, когда Ева вот так поднялась и ушла, не объясняя причины своего ухода и не спрашивая разрешения у Гитлера. Обычно первым уходил фюрер, сухоовато и чопорно прощаясь с Евой прямо здесь, у камина, как бы подчеркивая этим, что уходит к себе один, оставляя Еву в кругу друзей.

«Почему он до сих пор ведет себя так? – изумлялся Гиммлер. – Какого дьявола? Кого опасается? Все, что можно было обглодать по этому поводу, уже давно обглодано. Всеми – генералами, дипломатами, министрами и, конечно же, их супругами».

Войдя в свои довольно скромные апартаменты, Ева закрыла дверь на ключ, села к столу и, опустив голову на руки, долго сидела так, пребывая в полном изнеможении. Ни о чем не думая, ничего не желая, ничему не радуясь и не огорчаясь. Многочасовые «прикаминные проповеди» Адольфа буквально опустошали ее.

Ева уже знала, что вскоре Гитлер, вместе со всей своей свитой, переедет в Восточную Пруссию, в «Волчье логово». Что им с Адольфом осталось быть вместе всего месяц, а возможно, и того меньше. Однако она так до сих пор и не уяснила для себя, что же будет с ней. Найдется ли для нее хотя бы одна комнатка в ставке «Вольфшанце», и вообще решится ли Адольф взять ее с собой. Определится ли наконец ее статус при этом военно-полевом дворе

императора рейха. Отважится ли фюрер в конце концов узаконить их отношения или же по-прежнему при появлении важных гостей ее будут отсылать в двухкомнатный «уголок», с решительным приказом не показываться никому на глаза, что с каждым днем воспринималось ею со все большим возмущением, все болезненнее. Неопределенность ее положения являлась той несправедливостью, которую не способны были заглушить даже ее чувства к Гитлеру.

Когда волна апатии немного схлынула, Ева извлекла из потайного укрытия ключ, открыла стол и достала оттуда небольшой альбомчик в коричневом кожаном переплете, давно приспособленный ею под строго секретный дневник.

6

– И-к вам и-женсина, и-господина и-генерала, – теперь атаман Семенов старался бывать в отеле военной миссии в Тайларе как можно чаще, зная, что здесь его всегда ждет постоянно отведенный для него номер и «узкоглазая паршивка» Сото. Как только он появлялся в Тайларе, в его номере в «Сунгари» тотчас же начинала хозяйничать эта прекрасная японочка.

– Какая еще женщина, в соболях-алмазах? Какая женщина нужна мне здесь, когда у меня есть ты?

– И-это и-есть и очень-та красивая и-русская женсина. – Ревность оставалась такой же недоступной для этой азиатской раскрасавицы, как и чувство юмора. Из всего того набора чувств и влечений, которыми наделил Господь женщину, она признавала только лишь постельные ласки и рабскую покорность своему повелителю.

Сото поставила на стол перед Семеновым поднос с двумя чашечками саке, двумя чашечками риса и мисочками, на которых благоухали японскими приправами куски жареной осетрины.

– Русская, говоришь? – заколебался генерал. – Но кто же она такая, если русская? Ну-ка зови ее сюда, в соболях-алмазах. Где мой адъютант, полковник Дратов?

– И полковника и-куда-то ушла, – пролепетала Сото. Ее миниатюрные губки бантиком напоминали розоватые вишневые лепестки. Слова, что сюсюкающе слетали с них, Семенову хотелось снимать губами, словно росу с утренних вишен.

Он только что прибыл. Он еще чувствовал себя слегка уставшим после тряского маньчжурского бездорожья и жаждал только одного – немного отдохнуть в объятиях своей «узкоглазой паршивки». И ни одна русская женщина, при каких бы телесах и при какой нежности она ни предстала бы перед ним, не могла подарить и тысячной доли той необычной нежности и тех изысканно-бесстыдных ласк, которыми награждала его эта юная японка.

– И-я и-могу позвать женсина? – напомнила о себе Сото.

– Что тебе так не терпится, паршивка? – вальяжно поморщился генерал. – Она тебе очень понравилась?

– И-нет. Осень подлая женсина.

Генерал снисходительно рассмеялся.

– Так введи ее, подлую.

Женщине было под тридцать – рослая, статная, с высоко вздернутой грудью, она попросту не могла не привлекать к себе внимания мужчин. И не вызывать раздражения у соперниц. Поэтому он вполне согласен был с Сото – «осень подлая женсина». Налитые щеки «подлой» все еще сохраняли былую, девичью розоватость, а сам облик лица подтверждал ту святую истину, что некоторые коренные сибирячки дошли до наших дней через много поколений, не впитав в себя ни капли азиатской крови. Едва заметная ямочка на левой щеке этой женщины, очевидно, досталась ей в наследство от той ярославской или киевской девы, которая, уйдя в Сибирь вслед за своим воином, стала основательницей нового сибирского рода.

– Кто такая? – лениво поднялся атаман со своей низенькой тахты.

– Елизавета Власьева. Вдова поручика Кондратьева, – взволнованно мяла платочек сибирячка.

– Какого еще поручика Кондратьева? Не припоминаю.

– Да вряд ли могли бы вспомнить его. Муж мой служил как бы в личной охране адмирала Колчака. Но он знал вас с самой хорошей стороны, господин атаман, и как-то сказал мне, что если с ним что случится, то могу обратиться к вам.

– Ах да, Кондратьев! – вдруг освежил память генерал. – Казак-рубак. Неужели погиб? Хотя да, сколько их полегло... Сколько их полегло. Сабельно-сабельно... Ну, садитесь, Елизавета Васильевна.

– Власьевна, – безо всякого кокетства уточнила неожиданная гостья.

Черная шаль, черные волосы, черная, хотя и достаточно прозрачная, вуаль, которыми все еще продолжали шокировать китайянок некоторые белогвардейские барышни; черное с извилистым декольте платье...

Она пришла сюда вдовой, и вдовой – во всей строгости своего вдовьего безутешья – намерена была отсюда выйти. Поняв это, атаман как-то сразу потерял к ней какой-либо интерес. Он никогда не считал себя отпетым бабником и вполне допускал, что в жизни могут случаться и женщины со строгостями, но воспринимал их только до тех пор, пока они оставляли надежду. Женщина, не подающая абсолютно никаких надежд, переставала существовать для него.

– Садитесь же, Елизавета, – не стал он повторять ее отчества. И голос сразу же стал жестким. – Какая такая просьба ко мне?

Прежде чем ответить, Кондратьева проводила взглядом Сото, только сейчас решившую, что при разговоре атамана с дамой делать ей, собственно, нечего. Однако, уходя, японка вскользь, но довольно пристально осмотрела, буквально прощупала взглядом всю фигуру вдовы. И Семенову почему-то вдруг показалось, что сделала она это не только из ревности.

– Я лишь недавно перебралась сюда.

– Откуда?

– Из Монголии.

– Если надеетесь получить финансовую поддержку, то на меня прошу не рассчитывать. Увы, штаб армии настолько стеснен в средствах, что почти не располагает какой-либо возможностью...

Кондратьева уселась в низенькое кресло-качалку и, шаловливо покачавшись, озарила атамана снисходительной улыбкой.

– Вы не так поняли меня, генерал. Благодаря поддержке и попечительству отставного полковника Жуховицкого, вместе с которым мы держали довольно солидную факторию в Монголии и с которым прибыла сюда, я оказалась достаточно обеспеченной. Настолько, что и сама время от времени могу жертвовать. Правда, в довольно скромных размерах.

Полусонные глаза атамана несколько оживились. Однако не настолько, чтобы окончательно разогнать навеваемую присутствием вдовы убийственную скуку. Он с сожалением взглянул на дверь, за которой исчезла японка: до чего же зряшно уходит время!

– Не могли бы вы покороче и пояснее, мадам? В чем, если конкретно, суть вашей просьбы?

– Как вдова офицера, прошу ходатайствовать перед местной администрацией о содействии в некоторых моих деловых начинаниях. Мне приходилось слышать, что вы обращались с подобным ходатайством, касающимся других офицерских вдов.

– Я только тем и занимаюсь, что сочиняю ходатайства, мадам, – кончилось терпение атамана. – В чем ваша просьба? Где сама бумага?

– Она со мной. В небольшом дамском чемоданчике, рядом со шкатулкой, которую, вместе с кое-каким содержимым, хотелось бы преподнести вам в дар. Не считите за подношение. Исключительно в память о погибшем поручике.

– Разве что в память... – полусонно пробормотал атаман.

– Дело в том, что ваша японская подруга, сожительница или кем она там приходится, потребовала, чтобы корзинку я оставила в прихожей. Теперь, с вашего позволения, я возьму ее. Вам не придется что-либо сочинять. Достаточно вашей подписи.

Семенов посмотрел вслед вдове и похмельно повертел головой. Он отказывался что-либо понимать. А еще ему хотелось знать, куда девался адъютант, который и на пистолетный выстрел

не должен был подпускать к нему каких-либо просителей, и куда девался водитель, он же поручик Фротов, на которого генерал полагался как на телохранителя. Какое ходатайство, какой полковник Жуховицкий, какая шкатулка?

Впрочем, о шкатулке вдовы – вопрос отдельный, вначале ее следует увидеть...

– И-я и-могу и-дать женсина ее весци? – появилось в проеме двери соблазнительное личико япошки.

– Можешь, Сото, можешь. Что вы тут затеяли?

– И-харасо, атамана.

Несколько минут не было их обеих. Когда Кондратьева наконец появилась, в руках у нее желтела небольшая кожаная сумка с кожаной аппликацией и металлическими заклепками – наподобие тех, которыми любили щеголять маньчжурские модницы, устроившиеся в какие-либо государственные учреждения.

– Как и обещала, я не займу у вас и пяти минут, – положила вдова перед атаманом два листика с отпечатанным на машинке текстом на русском и китайском. Причем легли эти листики на украшенную серебряной вязью деревянную резную шкатулку.

Пока атаман нашел свои очки и, поднося прошение поближе к окну, разбирался в его сути, вошла Сото. Опустившись перед столиком на колени, она поднесла генералу и его посетительнице стоявшие на подносе чашки с чаем, источавшие аромат какого-то зелья.

Семенов знал пристрастие маньчжуров к чаю из трав, но, угощаясь им, каждый раз задавался непраздным вопросом: «На каком таком зелье настояли его в этот раз местные мастерицы отрав?»

Вот и в этот раз командующий на мгновение оторвался от чтения, чтобы взглянуть на Сото, и... замер: прямо на него смотрело дуло пистолета.

– Все, атаман Семенов! – озарила свое лицо бледноватой улыбкой смерти пышногрудая вдова, поднимаясь со стула и отходя к двери. – По приговору народного суда, именем советской власти...

Нажав на спусковой крючок, она в страхе даже не сообразила, что щелчок получился холостым. Заметив коварную ухмылку япошки, она тотчас же перевела ствол на нее и вновь нажала на крючок – раз, второй. В третий не успела – в лицо ей полетела чашка с горячим чаем. И пока, ослепленная парящей жидкостью, вдова металась по комнате, пытаясь прийти в себя и найти дверь, Сото бросилась к ней, захватила руками ноги и, ударив головой в живот, сбила на пол.

На пронзительный визг, которым она вслед за этой атакой огласила половину отеля, в номер ворвались два маньчжура в штатском и вытолкали террористку в коридор.

– И осень-то испугался? – встревоженно поинтересовалась Сото, опускаясь на колени перед Семеновым и кладя на стол перед ним пистолет Кондратьевой.

Атаман набыченно мотал головой, глядя на японку налитыми кровью глазами, и мычал что-то воинственно-нечленораздельное, усиленно пытаясь прийти в себя. Он был поражен тем, что произошло и как близко – и глупо – он оказался от своей гибели.

– И-осень-то подлая женсина, – проворковала Сото, озаряя лихого генерала нежной, грустноватой улыбкой.

Все еще не овладев собой, Семенов тем не менее уже стоял в проеме двери, ведущей в соседнюю комнату, с пистолетом в руке, готовый к любому развитию этой трагикомической драмы.

– Кто эта стервоза?! – рычал он, поводя пистолетом то в сторону Сото, то в сторону насмерть перепуганной горничной, которой выпало убирать осколки чашек. – Кто ее подослал сюда? И вообще кто устроил весь этот хреновый спектакль с незаряженным пистолетом?

– И-это и-не есть и-хреновый спектакль, – вежливо кланялась Сото, – и сейчас увидите.

Девушка степенно вышла в переднюю и через несколько секунд вернулась, держа на ладони россыпь патронов.

– Пистолет и-был и-заряжен. Пока русская женсина улыбалась вам, я украла все патроны, – ослепительно улыбалась Сото. – И предупредила и-охрану отеля.

– Так ты знала, что она пришла убить меня?

– И-знала. И-вот... – протягивала ладошку с патронами.

– Почему же ты ее не пристрелила?

– И-зацем? – кланялась и улыбалась Сото, улыбалась и вновь кланялась. – Вы не верили Сото, цто она и-подлая и-женсина.

– Но у нее мог быть и второй пистолет.

– И-Сото и-не дала бы женсине достать его.

Едва приподнявшись, японка вдруг вскрикнула и, раскручиваясь на лету, продемонстрировала какой-то невероятный прыжок, в котором ударом ноги, очевидно, способна была не только выбить из руки «залетной вдовушки» пистолет, но и снести ее саму.

– Мать твою, в соболях-алмазах!... – восхитился атаман со свойственным ему походно-казарменным аристократизмом.

7

Секретная вилла князя Боргезе «Эмилия» притаилась посреди небольшого горного массива, на берегу такого же миниатюрного озера, напоминающего заполненный родниковой водой кратер вулкана. Внешне она представляла из себя нечто среднее между маленьким замком и крепостным фортам.

Тот, кто возводил ее, явно исходил из мысли, что жизнь обитателей «Эмилии» в этой безлюдной местности никогда не будет достаточно спокойной и роскошной. Вилла и сейчас напоминала затаившуюся в горной глухомани цитадель, которой вот-вот придется выдержать длительную осаду. Единственная ведущая к ней дорога как бы обрывалась на невысоком горном перевале мощным шлагбаумом, от которого к вилле и озеру потянулись ряды колючей проволоки и заградительных ежей.

Кортеж из четырех машин – в первой и четвертой ехала выделенная князем Боргезе охрана, а две средние принадлежали Скорцени и вице-адмиралу Хейе – преодолел этот контрольно-пропускной путь под жесткими взглядами итальянских солдат, по суровому коридору из колючей спирали, глаз и ружейных стволов; а потом еще долго пробивался по узкому серпантину дороги, чуть ли не касаясь крыльями каменистых уступов, к подъезду виллы.

– Горная обитель «Эмилия» давно ждет вас, штурмбаннфюрер. – Они были почти ровесниками, но юношеская фигура и худощавое лицо, являвшее собой почти классический тип непорочной римской аристократии, значительно омолаживали князя Боргезе, превращая его в упакованного в ладно сшитый военный мундир херувима. – Отныне она всегда в вашем распоряжении.

– Непозволительная роскошь, – в том же напыщенно-валяжном духе поблагодарил Скорцени.

В Берлине князя уже давно рассматривали не только как одного из лидеров итальянских нацистов, но и как вполне реального преемника Муссолини. И «первому диверсанту рейха» не совсем понятно было, почему в «Волчьем логове» медлят со столь соблазнительной рокировкой. Он даже успел поговорить о ней с Гиммлером. Но только вряд ли рейхсфюрер СС осмелился потревожить его идеей самого Гитлера.

– Она еще послужит нам, князь, – добавил Скорцени, не торопясь входить в виллу. – Прежде чем мы начнем совещание, я хотел бы осмотреть саму базу подготовки ваших «любимцев смерти». Поскольку времени у нас немного.

– «Любимцы смерти»? – белозубо улыбнулся князь. – Школа «любимцев смерти»! А? По-моему, соответствует... Остальные гости уже ознакомились с ней. Предупреждаю: здесь все просто и доступно, что, однако, не снижает основательности подготовки.

Небольшая казарма и учебные классы, в которых обучались диверсанты-подводники «Икс-флотилии», оказались упрятыми от глаз людских за береговым уступом. Остальная часть школы располагалась как бы на нижнем береговом ярусе, в клиновидной, поросшей соснами бухте, на рейде которой неподвижно замерли два катера.

Заметив недоуменный взгляд Скорцени: «И это все?» – Боргезе поспешил успокоить его:

– Перед вами всего лишь база начальной подготовки, которую курсанты проходят в течение месяца. Затем практическое минирование уже на морской базе...

– Три месяца? Погибельно большой срок, – прервал его Скорцени.

– Но, видите ли, многие из итальянских камикадзе...

– Я сказал, что время начальной подготовки немецких курсантов придется сократить до двух недель. Война слишком нетерпелива, чтобы превращать курсы смертников в кадетские училища.

– Слишком нетерпелива, – согласился князь, с интересом наблюдая за тем, как очередная тройка курсантов, облаченных в легкие водолазные костюмы, готовится к погружению.

Кислородные баллоны на их спинах напоминали крылья ангелов. И в голубизну озера они уходили, словно в небесную вечность. Вспомнив, что эти диверсанты-подводники составляют элиту итальянских смертников, Скорцени согласился, что его «ангельские» ассоциации – не такая уж фантастика.

– Вы правы, штурмбаннфюрер, начальную подготовку можно проводить значительно интенсивнее, – запоздало согласился князь, считая, что Скорцени все еще размышляет над этой проблемой.

Однако «первый диверсант рейха» думал сейчас не о диверсантах-подводниках, а о самом князе. Он знал, что Боргезе – единственная более-менее заметная фигура в лагере итальянцев-союзников, которую все еще можно воспринимать как сильную личность. Несмотря на то что вся армия, во главе с маршалом Бадольо, по существу, перешла на сторону англо-американцев, что в поражении Германии мог сомневаться разве что законченный идиот, этот аристократ оставался верным рейху и не только не заботился о спасении своей шкуры и своего состояния, а, наоборот, готов был содержать собственную диверсионную школу, всячески демонстрируя верность старым союзникам и старым идеям.

Одного только не мог понять Скорцени: почему Боргезе до сих пор не создал свою мощную фашистскую партию, почему довольствуется диверсионной школой и флотилией, вместо того чтобы стремиться к власти, к возрождению Италии на идеалах национал-социализма?

– Слышал, что вы, князь, увлекаетесь историей Древнего Рима? – Ничего подобного слышать штурмбаннфюреру не приходилось. Обычный провокационный вопрос.

– Не знаю ни одного уважающего себя итальянца, который бы не увлекался «гением Рима», – сдержанно ответил Боргезе, не отводя взгляда от обреченных катеров, к которым устремились его камикадзе.

– И кто же ваш идеал?

– Сулла.

– Слышал, но... Мои познания ограничиваются Цицероном, Цезарем, Крассом и Брутом. Ну, еще Антоний со своей неизменной Клеопатрой.

– Для офицера с итальянской фамилией маловато, – скептически ухмыльнулся Боргезе.

– Я привык к подобным упрекам, – невозмутимо стерпел этот выпад штурмбаннфюрер. – А что, ваш Сулла... величайший из диктаторов? Неподражаемый тиран?

– Особый характер. Особое мужество. Личность. Несомненно, тиран. Но вспомните, скольких правителей-добряков история напрочь забыла. А тираны помнятся. На гробнице его начертано: «Здесь лежит человек, который более чем кто-либо из других смертных сделал много добра своим друзьям и зла врагам».

– Откровенно! – признал Скорцени, мысленно повторив эту фразу. – Похоже, что этот ваш тиран Сулла сам позаботился о составлении текста.

Князь рассмеялся и даже позволил себе похлопать Скорцени по плечу:

– А еще говорите, что не знаете, кто такой Луций Корнелий Сулла. Многие поступки в его недолгой жизни казались бездумными. Зато как тонко он продумал молву, которая будет окружать его всю оставшуюся вечность, – жестом пригласил гостя вернуться к вилле «Эмилия».

Они поднимались по крутой тропинке, петляющей между оголенными корневищами деревьев, валунами и мятно пахнущими кустарниками. Иногда Скорцени казалось, что бредут по лесу, да и тропа почему-то напоминала ту, по которой он вел когда-то княгиню Сардони.

«А ведь ее вилла должна находиться не так уж далеко отсюда», – подумалось штурмбаннфюреру. Странная женщина, странное знакомство. Однако Скорцени не верил, что память подбросила ему облик этой женщины случайно.

В последнее время он вообще перестал соглашаться с тем, что что-либо происходящее в его жизни подвержено слепому случаю. Увы, на нем уже лежит клеймо истории, и, меченный ее роковой печатью, он, очевидно, давным-давно не принадлежит самому себе. Осталось разве что поостроумнее составить надпись, которая украсит собственное надгробие. Последний плевок в лицо вечности.

Негромкие взрывы, долетевшие с озера, заставили обоих офицеров умолкнуть и перевести взгляды на оставшиеся теперь уже внизу, в глубине каньона, остовы катеров. Три небольших султана воды, взметнувшихся над озерной гладью, засвидетельствовали, что камикадзе свое задание выполнили: «Вражеские суда идут на дно».

– В эти минуты все трое диверсантов перекрестились, – молвил Боргезе. – Они знают, что недалек день, когда вот такой вот взрыв, только уже не учебной мины, станет для них прощальным салютом.

– По крайней мере они знают, как погибнут. И что погибнут не зря. Нам с вами еще только предстоит гадать на кофейной гуще судьбы.

– Кстати, почему это вы вдруг заинтересовались моим кумиром-римлянином?

– Потому что у сильного, волевого человека, каковым вы, несомненно, являетесь, господин Боргезе, и кумир должен быть сильным и волевым.

Боргезе удивленно взглянул на штурмбаннфюрера. Пауза, которой «первый диверсант рейха» озадачил его, еще ни о чем не говорила князю.

– Надеюсь, вы не собираетесь заимствовать моего кумира?

– Просто хочу, чтобы вы поступали столь же решительно, как поступал ваш великий римлянин. Сейчас нужны поступки, князь, поступки. Муссолини, Бадольо, король... Все они – люди из прошлого. Сейчас наше время, князь Боргезе, наше. Мы должны прийти к власти.

– Вы и себя имеете в виду?

– Мне сложнее. В Германии не та ситуация. Другое дело – ваша благословенная Италия. Вилла «Эмилия» – хорошо. Но Рим все же лучше.

– У меня есть другие сведения о событиях в Германии. Моя собственная разведка докладывает, что в рейхе...

– У вас есть собственная разведка?

– ...что в рейхе ситуация может измениться еще более радикально, чем в Италии. Причем в самое ближайшее время.

– Что вы имеете в виду? – насторожился Скорцени.

– То же самое, что и вы, господин штурмбаннфюрер СС. Заговор против фюрера. Мощный заговор генералов.

– Позвольте, о каком заговоре речь? – остановился Скорцени, непонимающе глядя на князя.

Их взгляды встретились. Скорцени видел, как растерянно – чтобы не сказать испуганно – расширились глаза итальянца. Он отказывался верить штурмбаннфюреру. Точно так же, как отказывался и развивать эту тему.

– Хотите убедить меня, что ни о чем не догадываетесь? – почему-то вполголоса спросил Боргезе.

– Желаю услышать факты.

– Не волнуйтесь, штурмбаннфюрер, их вполне достаточно, чтобы уже не сомневаться в том, в чем вы все еще сомневаетесь.

8

Ева погасила свет и зажгла свечу.

Луна восседала на вершине горы, постепенно расплавляя ее, словно наполнявшая кратер лавина, которая вот-вот должна извергнуть в черно-синюю темень ночи багряное пламя зари. Соединяясь с пламенем свечи, оно должно было творить неповторимое колдовство альпийской ночи – сотканной из горных видений, потрясающих воображение легенд и лесных призраков.

«Боже, как я боюсь, что сегодня он опять не объявится! – прочла Ева Браун запись на первой открывшейся ей странице собственного дневника. – Я не вынесу этого. На сей раз я решила принять сразу тридцать пять доз снотворного, чтобы оно сработало наверняка... Ну хоть бы попросил, чтобы мне позвонили!»⁵

«Тридцать пять доз снотворного! – в ужасе повторяла про себя Ева. – Каким же чудом я смогла уцелеть тогда? У обычных людей так не бывает. У тебя какая-то особая судьба. Свой великий таинственный рок».

В последнее время Ева Браун все чаще ловила себя именно на этой мысли: «У обычных людей, простых смертных, так не бывает». А вместе с ней зарождалась уверенность в исключительности земной миссии не только «ее фюрера» – в чем Ева уже давно не сомневалась, – но и ее собственной.

Ева подняла глаза на стоявшую на столе в серебряной рамочке фотографию Гитлера и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Она хорошо помнит, что в тот раз ей так никто и не позвонил. Хотя она успела написать Адольфу письмо, в котором сообщила, что, купив смертельную дозу снотворного, ждет своего рокового часа, и если он еще сохранил к ней хоть какие-то чувства, то, как всякий человек, еще не потерявший душу и сочувствие к ближнему своему, должен откликнуться. И вообще, они должны наконец вновь увидеться и серьезно поговорить.

Этой записи уже девять лет. Тогда, в тридцать пятом, она еще была влюблена в Адольфа Гитлера обычной девичьей любовью. Как бывали влюблены – каждая в своего возлюбленного – тысячи ее сверстниц, которые, подобно ей, жили ожиданием цветов, замужества и первой брачной ночи. Но именно тогда у Адольфа появилась «официальная дама», которой он не стеснялся покупать цветы, приглашал в театр и даже делил с ней ужин в «кругу старых партийцев».

...«Я целых три часа прождала перед отелем „Карлтон“, надеясь, что он наконец-то заметит меня и мы сможем объясниться. Мне не верилось, что это все. Наши отношения, наши чувства не могли прерваться просто так, из-за каких-то глупых недомолвок, из-за чьей-то невнимательности и лени.

...Но вместо того, чтобы находиться в эти минуты рядом с ним, я должна была с горечью наблюдать со стороны, как он покупает цветы своей толстушке Ондре – никогда бы даже представить себе не могла, что Адольфу нравятся такие ужасные габариты! А как галантно вручает ей цветы, приглашая при этом на ужин. Теперь мне все ясно: я нужна ему лишь для определенных целей... Ничего другого и быть у нас с ним не может...»

Оторвавшись от чтения, Ева настороженно прислушалась, приготовившись в любую минуту затолкать дневник подальше, за стопку книг в нижнюю полочку стола. Дневник – ее великая тайна. Другое дело, что, перечитывая эту коварную летопись своего странного бытия, она нередко ощущает прилив стыда за собственную наивность. Однако и это – тоже ее душевная тайна.

---

⁵ В основу цитируемых записей положены настоящие записи из дневника Евы Браун. Однако автор не ставил своей целью подавать их с документальной точностью.

Чеканные шаги, словно на плацу... Нет, не его. Очевидно, личный адъютант Шауб. Еще один тайный воздыхатель. Пройти мимо ее двери для Шауба – все равно, что прикоснуться к святым мощам. Для нее же главное, что это шаги не Адольфа. Почему Гитлер столько сил тратит на ночные разговоры? Он ведь фюрер! Вождь рейха. Полмира у его ног. Неужели Адольф забывает об этом?

Она ведь видит, как Адольф заводится, пытается доказать то, что уже не поддается никакому доказательству. Каким беспомощным выглядит он, стремясь по-своему истолковать, по существу, переиграть события, происходившие где-то под этим чертовым Сталинградом уже около года назад...

Ева не раз советовала Гитлеру прекратить вечерние беседы у огня, распустив (разогнав!) всех своих «прикаминных апостолов». Он – фюрер. Канцлер. Главнокомандующий. Сейчас его место в Берлине. В рейхсканцелярии. Его вечера должны проходить в официальных приемах. Посещениях театров, поездках, ну и, конечно же, за письменным столом берлинской резиденции.

Как прекрасно она могла бы спланировать его рабочий день, если бы ей было позволено это! Что мешает фюреру назначить ее своим секретарем? Ведь это в его власти, в его!

Как идеально все могло бы выглядеть, если бы Гитлер наконец воспринял тот способ жизни, который только и приличествует главе великой страны! Они могли бы пожениться, могли бы принимать официальных гостей в своей берлинской, берхтесгаденской, мюнхенской, восточно-прусской резиденциях...

А что мешает фюреру приобрести небольшой старинный замок где-нибудь в Нижней Саксонии или Баварии? И если уж в Германии по-прежнему в чести дворянские достоинства, то что мешает получить одно из них фюреру Германии? Разве он не достоин наследственного титула барона, графа, князя, герцога? Как мило выглядело бы: «Великий герцог Адольф фон Гитлер и герцогиня Ева фон Гитлер прибыли сегодня утром в Мюнхен... Толпы баварцев встречали их цветами...»

Нет, ну где справедливость? Почему все вокруг, даже этот жалкий Риббентроп, должны кичиться своим «фон» и смотреть на нее, как на жалкую дворняжку?

Фюрер не умеет оставаться фюрером – вот в чем весь ужас положения и ее, Евы Браун, и самого Гитлера. Придя из низов, из подворотни, ниоткуда, Гитлер так и не сумел привить себе тот особый дух аристократизма, достоинства и даже разумного высокомерия, которые позволили бы ему соблюдать необходимую дистанцию во взаимоотношениях с «придворными». Так и не сумел вписаться в сонм прусской военной аристократии, которая, даже повинувшись, всецело отторгала от себя Гитлера как совершенно чужеродное тело.

«Он появился „никем“ – и „никем“ уйдет», – почти с отчаянием пророчествовала Ева, ужасаясь неумению «ее фюрера» оставаться фюрером во всем, вплоть до проповедей в кругу «прикаминных апостолов».

* * *

Луна постепенно обволакивалась багряными пучками туч, приобретая кровавый нимб войны и черного предательства – вещий знак для каждого сущего на земле, кто еще не одумался и не раскаялся. Глядя на него, Ева продолжала с тайной надеждой погружаться в свои мечты, в которых она, само собой разумеется, сделала бы все возможное, чтобы эта ужасная война наконец была завершена, в Германии и окрестных государствах воцарился мир, а первый официальный визит примирения императорской супружеской четы фон Гитлеров был нанесен в свободный Париж. Обязательно в Париж, без признания которого ни одна империя немислима.

«Хочу только одного: тяжело заболеть и хотя бы несколько дней ничего не знать о нем, – вернулась Ева к своим записям. – Ну почему со мной ничего не происходит?! Почему я постоянно должна терпеть все это? Лучше бы я никогда не видела его, тогда жизнь моя сложилась бы совсем по-иному. Я в отчаянии, я просто в отчаянии... Почему дьявол не заберет меня к себе? У него наверняка было бы лучше, чем здесь...»⁶

Если бы сейчас у нее хватило сил и мужества взяться за карандаш, то, увы, она опять вынуждена была бы написать нечто подобное. Только с еще большей горечью в словах. А ведь как хорошо было им, когда он еще не являлся фюрером Третьего рейха! Они забивались в какой-нибудь уголок, где их никто не мог обнаружить, и предавались своим греховным утехам с невинной радостью школьников, познающих, втайне от взрослых, первые азы первородного греха Адама и Евы. Так, может быть, вся трагедия в том, что Адольф все же добился того, о чем так долго мечтал? Но что же ему теперь, отречься от всего ради нее?

Когда-то он был прекрасным любовником – немножко грубоватым, зато страстным, предающимся постельным играм с такой же фанатичностью, с какой предавался всякому своему увлечению. Вот почему Ева очень даже понимала свою предшественницу Гели Раубаль, которая ушла в мир иной, как только осознала, что вся оставшаяся жизнь ее уже никак не сможет соприкоснуться с жизнью Адольфа.

Правда, злые языки утверждают, что ее убил сам Гитлер. Однако Ева не верила им. Этот человек действительно способен убить, да, способен. Но только не оружием. Он убивает постепенно, подавляя в женщине личность, подавляя в ней женщину, превращая ее в сексуальный придаток своего бытия, в постельную принадлежность, к которой старался даже не привыкать настолько, чтобы зависеть от нее. И по отношению к которой считал себя ничем не обязанным.

Как и Гели Раубаль, Ева могла сколько угодно упрекать Гитлера, но имела ли она на это право, помня, что речь идет о человеке, возродившем рейх?

---

⁶ Из дневниковых записей Евы Браун.

9

Когда Браун впервые осознала, во что превратилась ее любовь и чем может закончиться роковая привязанность к человеку, перед которым начинает трепетать не только рейх, но и вся Европа, она решила покончить с собой. Ей казалось, что это единственный доступный способ заставить Адольфа вспомнить о ней, ужаснуться и вновь полюбить. Пусть даже мертвую, но... полюбить!

Она выстрелила себе в шею, поскольку такой выстрел, как ей казалось, не способен обезобразить ее настолько, насколько обезобразил бы выстрел в висок или в рот. А выстрелить в грудь попросту не решилась.

Ева прибегла к этому избавлению в 1929-м, когда ей исполнилось целых двадцать и когда казалось, что всю свою «настоящую» жизнь она уже прожила, ибо дальше наступает старость, которая ее совершенно не привлекала. Теперь, с высоты тридцати четырех, Ева вспомнила об этих «возрастных ужасах» с покровительственной улыбкой перезревшей, всезнающей матроны.

Удивившись своему чудесному спасению, Ева клятвенно решила во что бы то ни стало родить фюреру наследника. Но, как выяснилось, для этого мало заманить в постель будущего отца. Оказывается, оба они настолько нагрешили против природы, что в праве на сына Господом ей уже было отказано.

Понял ли это Гитлер? Вряд ли. К тому времени он уже по-настоящему почувствовал себя владыкой, императором, способным оставить после себя в наследство огромную «тысячелетнюю империю». Что ему до страхов мюнхенской Марии Магдалины, решившей искупить свои грехи муками праведного материнства?

Как мучительно не хотелось ей покушаться на собственную жизнь во второй раз! Как не хотелось уходить из жизни! Поняв, что матерью ей не стать, что никому другому дать жизнь ей уже не удастся, Ева решила дожить хотя бы свою. Но жизнь эта имела смысл лишь постольку, поскольку могла быть освящена присутствием в ней – хотя бы присутствием – «ее фюрера».

Правда, свою смертельную дозу снотворного она принимала при таких обстоятельствах, которые позволили быстро обнаружить ее и спасти. Это была коварная, смертельно опасная хитрость женщины, отлично понимающей, что последний шанс, последний проблеск ее личного счастья находится где-то между жизнью и смертью.

После того как с большим трудом Еву вновь вернули в мир страданий и иллюзий, люди из близкого окружения фюрера по-настоящему возненавидели ее. Возненавидели настолько, что она начала опасаться за свою жизнь. Когда возникал вопрос, кем жертвовать: вождем партии или уличной девкой, «партай-любовницей», – над решением долго не задумывались.

Многие из приближенных Гитлера еще не забыли скандал, связанный с предыдущей его любовницей, Гели Раубаль, который с огромным трудом и риском – не только для карьеры Адольфа, но и для политической карьеры всего национал-социалистического движения – удалось вроде бы основательно замаять. А тут вдруг еще одна попытка самоубийства другой «рейхс-наложницы». Пойди докажи потом, что не очередное убийство. Чего только ей не пришлось выслушать тогда! Вплоть до прямых угроз. При том, что сам Гитлер оставался совершенно безучастным к ее положению и к ее горю. Уже со временем она узнала, что происшествие сильно встревожило его. Но это был скорее страх за свою репутацию, чем страх за ее жизнь, боязнь потерять свою Еву, «свое Евангелие» – как все еще продолжал называть ее в порыве мистической нежности.

Мудрее всех остальных повела себя в этой ситуации жена Геббельса фрау Магда. Как только Ева окончательно пришла в себя и фюрер приказал доставить ее в «Бергхоф», Магда явилась к ней, чтобы поговорить по душам. Но явилась не как жена рейхсминистра по про-

паганде, а как «истинная германка», знающая, что главнейшая обязанность каждой женщины рейха заключается в том, чтобы помнить о своей святой обязанности перед Родиной. А еще поговорить – как женщина с женщиной...

Магда была лет на десять старше Евы, поэтому «как женщина с женщиной» ей тоже позволялось...

– Вы – самоубийца, Ева, – с вызывающим спокойствием произнесла Магда, даже не получив согласия на разговор. – Но вовсе не потому, что хватаетесь за пистолет, за смертельные дозы снотворного... Вы самоубийца, поскольку, пытаясь связать свою судьбу с великим человеком, возможно, ниспосланным Германии высшим разумом, пытаетесь низвергнуть его до своего кавалера, до жалкого сострадателя ваших женских страхов и переживаний.

– Я бы не стала объяснять наши взаимоотношения столь прямолинейно, – растерянно воспротивилась Ева. – Что дает вам право?..

– Бросьте, Ева! После всех ваших скандальных экзальтаций отношения фюрера с «некой девицей Браун» истолковывает сейчас чуть ли не вся Германия. Причем всяк на свой лад.

– Так вы, фрау Геббельс, явились, чтобы пересказывать все те гадкие истории, которыми наводняют Берлин наши недоброжелатели? – еще более решительно поинтересовалась Ева.

– Почему вы считаете, что только Берлин, милочка? Однако не будем об этом. В отличие от многих недоброжелательниц и завистниц, я пришла, чтобы пригласить вас спокойно поразмыслить над ситуацией, в которой оказались не только вы одна.

– Ну так я слушаю вас.

Позволение было получено столь неожиданно, что Магда растерялась.

– Видите ли, госпожа Браун, вы не понимаете той простой истины, что всю жизнь вы должны посвятить сотворению из Гитлера вождя, кумира, причем не только своего, но и всей германской нации. Да-да, вы, как самый близкий ему человек, должны служить сотворению Гитлера-фюрера, Гитлера-легенды, Гитлера – отца нации. Как служим этому мы с моим Геббельсом. – Она так и сказала тогда: «мы с моим Геббельсом».

– И вы – тоже?

– Неужели не заметили?

– Но почему я не могу мечтать об обычном человеческом счастье?

– Да потому, что в известном отношении Гитлер не просто человек, он непостижим, до него не дотянешься⁷. Его достоинства и недостатки, его величие и даже низменность его чувств – если уж кому-то никак не обойтись без подобного определения – нельзя измерять привычными земными мерками, оценивать примитивными обывательскими критериями.

Прежде чем что-либо ответить, Ева задумалась: а приходило ли ей в голову подчинять свою жизнь сотворению из Гитлера кумира нации, фюрера рейха?

– Кажется, я начинаю понемногу понимать это. – Ева все еще чувствовала себя тогда довольно скверно. Большую часть дня пребывала в постели, наблюдая в окно, как зеленеет весенний лес на склонах ближайшей горы и как отцветает куст какой-то дикой поросли, тянувшейся к ее стеклу, словно райский куст возненавиденной ею жизни. – Однако признаюсь, что дается мне это понимание с трудом.

– Не сомневаюсь. А все потому, что до сих пор вы воспринимали фюрера только как мужчину. Ясное дело, без этого не обойтись, – мяла Магда в руках какую-то коробочку с подарком, который так и забыла вручить Еве. Костлявая, с выцветшим безликим лицом и угасшими глазами, едва виднеющимися из-за отвисших темно-коричневых мешочков под ними, Магда особого фурора в глазах окружающих не производила. А вот словом зажигать умела. Чем была под стать «своему Геббельсу». – Короля играет окружение. Не моя это прихоть. Не я выдумала. Так было всегда. И вы, фрейлейн Браун, вы первая, кто должен задавать тон в сотворе-

---

⁷ Известное высказывание Магды Геббельс.

нии королевского величия на исторической сцене Третьего рейха. Мужчиной Адольф Гитлер может оставаться для вас только в постели. Но и там вы обязаны – уж извините за женскую откровенность и бесстыжесть – вести себя, как подобает, находясь в ложе императора.

– Об этом со мной еще никто не говорил, – обескураживающе призналась Ева. – Вообще на подобные темы.

– Не удивляйтесь, не решались. Над вами – спасительная тень величия фюрера, – почти строевым шагом прошла у ее койки Магда Геббельс. – Жаль, что вы все еще не постигли этого.

– Вести себя в постели, как императрица, – пожалуй, единственное, что мне под силу, – не без горькой иронии заметила тогда Ева. – Но трудность заключается в том, что я хочу заставить себя почувствовать, что ложе, которое делю, в самом деле является ложем императора. И что оно освящено браком и любовью.

Рассмеялась Магда Геббельс коротко и зло.

– А кому и когда приходилось видеть императорское ложе, освященное браком и любовью, да к тому же недоступное для наложниц? – въедливо поинтересовалась она. – В каких таких историях каких миров вам удалось вычитать нечто подобное, моя милая? Если ложа императоров и были чем-то освящены, то лишь потом и слезами фрейлин, любовниц-аристократок и рабынь. Потом и слезами наложниц, фрейлейн Браун, – вот чем будет свято ваше ложе. И если вы до сих пор не способны подчинить себя этой жестокой неминучести, то вам лучше отойти в тень, раствориться в толпе других женщин, исчезнуть из жизни фюрера, жизни рейха, а возможно, и своей собственной. – Магда подошла к окну и повела рукой по тому месту на стекле, к которому прикасалась ветка куста.

Ева приподнялась и наблюдала за ее поведением с трепетом девчушки, пред очи которой неожиданно явилась мудрая фея.

«Рейхсналожница» и сама не раз думала приблизительно о том же, о чем говорила сейчас Магда Геббельс, однако у нее это не оформлялось в такие жесткие суждения. Очевидно, она действительно не способна была прийти к той мысли, к тому пониманию ситуации, своей роли, к каким безоглядно подводила ее сейчас Магда.

– И все же боюсь, что у меня так не получится, – несмело молвила Ева. – При том, что я понимаю – в ваших словах кроется глубокий смысл...

– Тогда уходи! – резко бросила фрау Геббельс, стоя к ней вполоборота. – Подготовить тебе еще одну порцию снотворного? – решительно перешла она на «ты», и это сразу насторожило и смутило Браун. – Но такого, что никакие врачи спасти тебя не сумеют. Чтобы уж уходить, так уходить.

– Если понадобится, я позабочусь об этом сама.

– Сомневаюсь. Опыт показывает, что ты не в состоянии сделать решительные выводы из всего, что тебя окружает. Не способна понять, что если ты настоящая германка, если ты патриотка рейха – то должна подчинять свои личные интересы, не говоря уже о капризах, интересам Германии.

Ева растерянно молчала. Когда речь заходила об «интересах Германии», она предпочитала умолкать. К тому же Магда оказалась значительно тверже и бессердечнее, чем она предполагала.

Повернувшись к ней лицом, фрау Геббельс по-наполеоновски сложила руки на груди и молча смотрела на сидящую в постели Браун – растерянную, буквально раздавленную, и словно бы действительно ожидала, что та согласится на еще одну убийственную дозу снотворного. Но это уже было выше ее сил.

– Так вот, запомните, фрейлейн Браун, – вновь великодушно перешла Магда на «вы», – больше вы никогда не должны предпринимать ничего такого, что хоть в какой-то степени могло бы исказить образ вождя нашей партии.

– Исказить образ вождя? – машинально произнесла Ева.

– Никогда, если только вы действительно с нами, с теми, кто до конца готов идти за фюрером, отстаивая идеи национал-социализма, идеи Третьего рейха.

– Но я верю фюреру. Верю, как никто иной, – Ева молвила эти слова не из страха перед женой главного идеолога империи. Просто это была святая правда.

За время их знакомства отношение Браун к идеям Гитлера претерпело несколько изменений. Вначале она относилась к его бесконечным рассуждениям о чистоте расы, Великих Посвященных, чаше Грааля и всему прочему, как к забавным фантазиям чудака, которые великодушно прощала ему. Затем эти его бредни начали основательно раздражать ее, но Ева мужественно мирилась с ними, понимая, что постепенно они захватывают тысячи сторонников фюрера, а следовательно, позволяют ему создавать новую партию и делать политическую карьеру. А против карьеры Адольфа она никогда не возражала.

И лишь в последнее время она понемногу поддадала под гипноз его идей, речей, увлечений, постепенно соглашалась с тем, что Германии в самом деле нужно жизненное пространство, которое можно добыть только военными победами. И что очищение от евреев – это очищение от индивидуумов, недостойных пользоваться благами граждан рейха. И что поголовное истребление цыган – вовсе не убийство, а всего лишь санитарная чистка общества. И со многим другим.

– Как никто иной? Что же, возможно, это главное, чего я добивалась от вас, – заметила Магда. – Мне остается лишь поверить, что слова эти сказаны вами искренне.

– Можете не сомневаться.

– Не хотелось бы, фрейлейн Браун, не хотелось. Мне давно следовало поговорить с вами. Уж кто-кто, а мы с вами, жены и... впрочем... должны понимать друг друга. И доверять. Мне почему-то кажется, что в нашей судьбе много общего, – с лукавой хитрецой улыбнулась Геббельс. – Не столько в прошлом, сколько, возможно, в будущем. Да-да, в будущем. Поэтому не осуждаю ваши попытки покончить жизнь самоубийством. Надеюсь при этом, что они были серьезными, а не игрой на нервах.

– Мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь из близких мне прибежал когда-нибудь к подобной «игре на нервах», – обиженно заметила Ева. Но Магда не слушала ее.

– Я почему завела разговор об этом? Да потому, что не раз прикидывала: а смогла бы я уйти из жизни по своей воле?

– Что вы, фрау Геббельс! У вас прекрасный муж, семья. Вы пользуетесь такой известностью...

– Дело не в муже и семье, – прервала ее бабий монолог Магда. – Все значительно серьезнее. О нашей судьбе речь идет лишь постольку, поскольку она связана с судьбой рейха. После того как к ордам русских, движущимся с Востока, присоединились орды, движущиеся с Запада, события стали развиваться значительно трагичнее, чем мы с вами могли предполагать. И кто знает, чем закончится война. А уж если она закончится нашим поражением...

– Такого не может быть, – пылко возразила Ева. – Возможно, перемирием, но только не поражением.

Магда снисходительно улыбнулась. Уточнение показалось ей более чем наивным.

– И если уж война закончится нашим поражением... – упрямо повторила она, – неужели вы думаете, что нам простят все то, что..? В общем, вы понимаете, о чем я говорю. Как понимаете и то, что обсуждать подобные перспективы я позволяю себе только с вами.

– Ценю вашу откровенность, фрау Геббельс. Для меня она – полная неожиданность.

Магда вновь, теперь уже скорбно, улыбнулась каким-то своим мыслям, поспешно – слишком поспешно – попрощалась и направилась к двери...

– Так что ваш опыт ухода из жизни еще ох как пригодится, – обронила уже от двери.

– Не приведи господь!

– Причем ситуация может сложиться так, что не только вам одной⁸.

* * *

Ева закрыла свой дневник и сунула его в нижний ящик стола, который тотчас же закрыла на ключ.

«Сколько раз ты давала себе слово не возвращаться к дневнику? С тебя достаточно того, что приходится переживать сейчас, в эти дни. Зачем еще и заново переживать пережитое?»

Впрочем, вспомнить о беседе с Магдой Геббельс было как раз нелишне. Наоборот, самое время.

Нет, после того разговора они с Магдой так и не подружились. Да это, очевидно, и невозможно было. В те редкие случаи, когда им приходилось видеться, Магда слишком навязчиво напоминала, точнее – внушала, что «подруга фюрера – это подруга фюрера». Но при этом относилась к ней с холодной придворной вежливостью. О да, Магда умела быть тем «окружением», что способно «играть королей». Достаточно было видеть, с каким почтением она заставляла своих знакомых, все свое окружение относиться к рейхсминистру Геббельсу. Даже в обычных, домашних условиях.

Ну что ж, пусть знакомство у них и не получилось, но все же беседа с фрау Геббельс след свой в ее сознании оставила. Она оказалась своевременной. Теперь Ева сама ощущала, что не испытывает уже той юношеской остроты чувств, с которой она страдала по своему фюреру и ради него готова была лишиться жизни. За бытовую близость приходилось расплачиваться разочарованием. Она стала подмечать все больше недостатков Адольфа, причем не только в характере, но и в самой нравственности. А физические несовершенства мужчины, который у нее на глазах необратимо превращался в старца! А ведь ему всего лишь пятьдесят пять... Или уже... пятьдесят пять?

Однако понимала Ева и то, что на смену любовной увлеченности к ней постепенно приходило чувство той особой солидарности, которая делала их с Адольфом союзниками. И которая заставляла Еву думать, что теперь она готова идти с Гитлером до конца – до последнего дня, последнего вздоха. Не только не стараясь при этом эгоистично подчинить его волю своей, а наоборот, подчиняя ему, его идеям, все свои чувства, страсти, саму жизнь.

Правда, удавалось это не всегда. Время от времени проявлялись рецидивы сугубо женского эгоизма, как это произошло сегодня, в этот вечер. Но теперь Ева по крайней мере способна была понять, что с ней происходит, а значит, вовремя остепениться.

Ева прислушалась.

Шаги! Это его... его шаги! Как всегда, какие-то неуверенные, крадущиеся, словно Адольф боялся, что кто-то может услышать их; и уже слегка шаркающие.

И все же – это его шаги! Наконец-то!

Мгновенно погасив свечу, Ева метнулась к кровати и, сбросив туфли, нырнула под легкую, слегка влажноватую перину. Она знала, что фюреру легче всего появляться у нее, когда свет в комнате уже погашен, а «его Евангелие» безмятежно дремлет...

---

⁸ Слова Магды Геббельс оказались пророческими. Обе эти женщины до последних дней войны находились в бункере фюрера, и обе добровольно ушли из жизни вслед за мужьями. При этом Магда Геббельс перед гибелью еще и приказала врачу-эсэсовцу умертвить ее детей.

10

Полковник Дратов прибыл с тем небольшим опозданием, которое вполне позволяло командующему пристрелить его тут же, на месте, вложив в несколько матерщинных слов и недовольство свое, и текст приговора.

– Что случилось, атаман? – ошалело восстал адъютант на пороге номера с саблей в одной руке и пистолетом в другой. – Там взяли бабу и водителя, который дожидался ее. Говорят, в вас стреляла?

– Где эта скотина Фротов? – поиграл пистолетом генерал, все еще не желая возвращать оружие в кобуру. – Сюда его!

– Он у машины. Разбирается.

– Это я с ним буду разбираться. Сюда его!

Однако звать Фротова не пришлось. Он уже появился сам.

– Где вас носит, унтер-офицер?! – Хотя японская контрразведка уже хорошо знала, что из себя представляет водитель командующего, поручик Фротов все еще прикрывался погонями унтер-офицера. Что всякий раз, когда командующий был зол, позволяло ему подчеркнуто низвергать своего телохранителя до чина, засвидетельствованного его лычками.

– Даму только что увезли, господин генерал. Не думаю, чтобы она была подослана красными. Подозреваю, что подослали сами японцы. – Поручик оглянулся, не появилась ли Сото, предусмотрительно оставившая их в сугубо мужской компании. – Слишком уж все...

– Ты что, Фротов? Думаешь, что говоришь?

Семенов сел за столик, пригласил к нему адъютанта и Фротова, и несколько минут молча, с нескрываемой брезгливостью, смотрел на чашку с саке. – Какие у тебя основания? – наконец поднял глаза на своего контрразведчика. – Какие основания?! – стукнул по столу рукоятью маузера.

– Но ведь я не утверждаю, что целью этой красотки было убить вас.

– Тогда что же ты утверждаешь?

Фротов нервно взглянул в сторону полковника. Он терпеть не мог, когда при их беседе с командующим присутствовал кто-либо третий, пусть даже адъютант.

– Сиди, – приказал командующий Дратову. – А ты, поручик, не ерзай, подозрения тут не разводи, в соболях-алмазах.

– Может, ошибаюсь... Но мне кажется, что эту бабенку подослали специально для того, чтобы укрепить ваше доверие к их агенту, японке Сото.

Брови Семенова поползли вверх. Сюжет, который раскрутил перед ним поручик, пока что совершенно не вписывался в его понимание того, что здесь только что произошло. Он, конечно, не сомневался, что Сото работает на японскую разведку. Но «укреплять доверие» таким способом! Тем более, что он давно смирился с присутствием Сото.

– А если нет? – неуверенно спросил Семенов.

– Тогда прикажите своему адъютанту заказать портрет Сото у лучшего художника Маньчжурии, чтобы вывешивать его вместе с иконой Богородицы. Поскольку именно ей вы обязаны жизнью.

– А что, и придется. Как думаешь, стоит мне официально обращаться по этому поводу в японскую контрразведку?

– Бессмысленно. В любом случае нужно воспринимать события так, как они нам преподнесены. Подробности попытаюсь выяснить по своим каналам.

– Может, и сам уже на япошек работаешь, в соболях-алмазах?

– А все мы, вся армия, кому служим? – огрызнулся Фротов, и крысиное, узкоскулое лицо его покрылось багровыми пятнами.

«Работает, – решил для себя атаман. – Верный знак, что проданся, скотина...»

– Мы служим свободной России, – горделиво вступился за командующего полковник Дратов. – Японцы – каши временные союзники – и не более того.

– Зря теряем время, ваше превосходительство, – не снизошел Фротов до дальнейших объяснений с адъютантом. – Как только эту даму возьмут в работу следователи японской контрразведки, сразу все станет ясно. С вашего позволения, господин командующий, я буду докладывать каждые три часа.

– Не реже, поручик, не реже.

Однако ни опереточное покушение невесты откуда появившейся вдовы, ни подозрение, немилосердно падавшее на Сото, не могли заставить генерала отказать себе в том божественном удовольствии, которое дарило ему каждое свидание с японкой. Стоило адъютанту и Фротову удалиться, как вновь появилась мило улыбающаяся Сото и с покорностью рабыни, готовой подчиниться любой прихоти своего повелителя, уселась на циновку у ног атамана.

– Пей, – не преминул воспользоваться своей властью над этим хрупким, но решительным созданием командующий. – Пей и молись, в соболях-алмазах.

Сото взяла чашечку с саке, смочила губки, показывая, что нет такого, в чем бы она решилась отказать генералу, потом ту же чашку поднесла ему.

– И-пей, да? Молись, соболях-алмазах, да? – щурила раскосые шоколадки лукавых глаз. – И-видишь, Сото хорошая ученица, соболях-алмазах? Цай не отравлен.

– Теперь я и в этом не уверен. Значит, это ты вынула обойму из пистолета той стервозы, что хотела палить в меня?

– И-пока она показывала тебе свою о-о... – приставила растопыренные ладони к своим крохотным грудышкам Сото.

– Грудь?

– И-осень-то и-большие груди, я смотрела ее подарки. Если она и-хотела дарить пистолет, да, зачем и-дарить его с патроном в патроннике, да?

– Значит, ты никогда раньше не видела этой стервозы и не знала, что она придет сюда?

– Не видела.

– То есть это не спектакль? Стервоза действительно подслана красными?

– И-стервоса, да. И-хотела убить. Я могла убить ее сразу же. И-как только нашла пистолет. Но тогда и-ты и не поверил бы, что она стервоса.

Семенов допил саке из чашки Сото, потом из своей. Опустошил еще две... Но и после этого не ощутил ничего, кроме приторной тошноты, еще раз утверждаясь в своей давнишней убежденности: выпить литр японской «рисовки» для русского человека – все равно, что переест миску недоваренной рисовой каши.

– Ничего, все равно я узнаю, кто подбросил мне эту тварь, – недовольно проворчал Семенов, оставляя стол. – У меня и своих наемных хватает.

Они перешли в соседнюю комнату, переступив порог которой, Сото сразу же начинала чувствовать себя императрицей Цыси – коварной в своей нежности и нежной в коварстве; ненасытной на то наслаждение, с которым она отдавалась мужчине, и щедрой – на всю ту буйную энергию, которой лишала его.

Усадив атамана на низенький топчан, девушка не сняла, а изгибаясь в стане, выползла из пестрого халатика, словно змея из собственной кожи, и, обхватив руками голову генерала, все тянулась и тянулась ввысь, приближая к его лицу «лепестки тысячи утренних тайн» в окаймлении опьяняющего восточными пряностями непорочного в своей грешности тела...

– И-тебе и-не нужна ничего узнавать, атаман, – прошептала девушка так, словно вместе с «лепестками тысячи утренних тайн» доверяла ему еще и тайну своей судьбы. – И-это не японски подослала к тебе женсину-камикадзе, и-как ты думаешь. Японски подослала меня.

– Тебя, в соболях-алмазах? Что же ты молчала?

– Цтобы ты знал, цто умею и-молщать.
– Почему же теперь заговорила?
– И-цтобы ты знал, и-цто я умею говорить.
– Не вилай хвостом, в соболях-алмазах. Зачем нужно было подсылать тебя? Мне уже не доверяют?

– Потому цто и-зналь, цто тебя хотят убить.

Семенов запрокинул голову, пытаясь что-то ответить, однако Сото вновь шаловливо, хотя и довольно настойчиво, привлекла его к своему телу.

– В «лепестках утренней и-тайны» и-нет смерти – и-там есть тока зизнь, и-да... Русская присылает женсину, стобы убить тебя, япоска присылает Сото, цтобы любить тебя, и-да, и-сто луще?

Это был не вопрос, это было обречение мужчины на вечную любовь и вечную признательность. Командующий сидел на тахте, по-восточному скрестив ноги, а Сото, все распаясь и распаясь его близостью, постепенно взбиралась на него, грациозно забросив ему за плечо вначале одну ножку, затем вторую, изгибаясь в неподражаемом инстинктивном танце живота.

В перерывах между встречами, чувствуя, что всякое расставание с Сото становится все томительнее и невыносимее, Семенов не раз пытался понять, что для него значит эта девушка. И каждый раз ловил себя на том, что японка давно перестала восприниматься им в пределах таких понятий, как любимая, любовница, наложница...

Их свидания становились наградой для него за все те честолубивые поражения и эмигрантское унижение, которое приходилось терпеть на этой земле. Ее изысканные ласки открывали перед ним свои таинства, словно великое вифлеемское озарение; неистовая покорность неминуемо перерастала в азартную игру плоти, которой они предавались с обреченностью самоубийц, до полного изнеможения; а вслед за ним наступало то истинное наслаждение собственным бытием, что сродни бытию внеземному.

Все это время номер генерала оставался открытым. Офицер контрразведки, явившийся, чтобы уточнить кое-какие детали покушения на командующего, увидел на тахте опьяненные страстью тела любовников и, вежливо откланиваясь, попятился назад выяснять, не ошибся ли.

Убедившись, что ошибки не произошло, он вновь вернулся к предусмотрительно приоткрытой им двери генеральского номера, однако постучать не решился. Как не решился и уйти.

Усевшись на лежавшую у двери циновку, он запрокинул голову и, закрыв глаза, стал прислушиваться к пьянящим всхлипам и вздохам девушки, отдающей генералу столь странным и не совсем понятным для молодого офицера способом.

11

У входа в здание их остановил майор итальянской армии и доложил, что с контрольно-пропускного пункта спрашивают, можно ли пропустить на территорию виллы адъютанта Скорцени гауптштурмфюрера СС Родля, прибывшего – что особенно смущало охранников – с некоей дамой.

– У вас есть такой адъютант? – поинтересовался полковник Боргезе.

– Спросите о другом: с каких пор он начал разъезжать по Италии с дамами?

– Вот этого я не знаю, – скабрёзно ухмыльнулся князь. – Ступив на землю Италии, люди обычно начинают забывать о многих святостях морали. Хотя, казалось бы, вотчина папы римского.

Боргезе перекинулся несколькими словами с майором, и тот, поморщив сократовский лоб, припомнил, что на самом деле дама эта – вовсе не «дама», а лейтенант СС. И что фамилия лейтенанта – Фройнштаг. Лилия Фройнштаг.

Князь вновь вопросительно взглянул на штурмбаннфюрера.

– Они неразлучны, господин полковник, – развел руками Скорцени, не желая выдавать истинную причину появления здесь унтерштурмфюрера СС. – Придется пропустить обоих.

«С Родлем все ясно, – сказал он себе. – Но какими неисповедимыми путями появилась здесь Фройнштаг? Кто это „позаботился“ обо мне таким образом, дьявол меня расстреляй?»

Едва Боргезе и Скорцени успели пропустить по рюмке коньяку, как Родль и его спутница уже показались в двери. Адъютант князя хотел представить их, однако Фройнштаг, шедшая первой, небрежным движением руки смела его с пути и, словно не вовремя вернувшаяся хозяйка, решительно шагнула в овальный зал, посреди которого, стоя за высоким шахматным столиком, пиршествовали будущие основатели новой Германии и новой Италии. Увидев ее, Скорцени виновато съехал и скосил глаза на свою рюмку.

– Господин штурмбаннфюрер, разрешите доложить, что я направлена сюда из Берлина, чтобы изучить условия подготовки итальянских камикадзе.

Князь и штурмбаннфюрер многозначительно переглянулись.

– Кто это вас направил с таким, почти невыполнимым, заданием? – с легкой иронией поинтересовался Скорцени.

– Обергруппенфюрер СС Кальтенбруннер, если уж это столь важно, – отчеканила Фройнштаг. Подойдя к небольшому бару, она взяла еще две коньячные рюмки, придирчиво, на свет, осмотрела их и, покачав головой, недовольная степенью их чистоты, поставила на шахматную доску. – Если позволите, господа, мы сыграем эту партию в четыре руки. Приобщайтесь, гауптштурмфюрер. Людей с дороги принято угощать, сиятельнейший князь Боргезе.

«Как же нагло и развязно она ведет себя! – озадаченно констатировал Скорцени, ошарашенно наблюдая за женщиной, которая давно и безнадежно нравилась ему. – С чего бы это? Ах да, прозвучало имя обергруппенфюрера. Когда по дороге в Рим, во время операции по похищению папы римского, я потребовал, чтобы Лилия отдала свой пистолет, с которым очень не хотелось попадаться римским жандармам, она, кажется, заявила, что его подарил сам Кальтенбруннер. Интересно, кто выступит в роли секундантов, когда дойдет до дуэли с шефом? Шелленберг и Мюллер? Тогда это будет дуэль века».

– В моем гостеприимстве еще никто никогда не усомнился, – благодушно улыбнулся князь, уже понявший, что это за дама. – Вы тоже сумеете убедиться в нем. А пока что позвольте познакомить вас с графиней Стефанией Ломбези.

– Хозяйка виллы?

– Я сказал бы неправду, если бы представил дело так, будто графиня тоже прибыла сюда, чтобы изучать методы подготовки наших смертников.

– Могли бы выразиться и проще. Я понятливая, штурмбаннфюрер Скорцени может подтвердить это.

Скорцени сделал вид, что весь поглощен обязанностями официанта. Во всяком случае рюмки, как заметила Фройнштаг, он наполнял довольно профессионально.

– Могу я поинтересоваться, зачем вам понадобились мои камикадзе?

– Неужели не понятно, князь? Я решила, что и среди германских девушек найдется немало таких, которые преисполнены решимости погибнуть за фюрера, направив торпеду на корабль врага.

– Шутите, Фройнштаг? – изумленно уставился на нее Боргезе. – Женщины-камикадзе?

– Вы удивляетесь так искренне, словно для вас остается тайной, что уже тысячи германских девушек служат в рядах вермахта, СС, в гестапо.

– Но коммандос-камикадзе – это не просто служба в рядах вермахта. Речь идет об отрядах смертников.

– Спасибо за разъяснение, господин полковник, – насмешливо отрубил Фройнштаг. С Боргезе она вела себя тоже так, словно давно с ним знакома. И, переведя взгляд на Скорцени, поинтересовалась: – Вы-то, надеюсь, не станете препятствовать проявлению арийского духа у патриотически настроенных молодых германок?

– У молодых и патриотически настроенных – нет.

– Это возвышает вас над многими.

– Я ведь не камикадзе, чтобы становиться на пути молодых и патриотически настроенных германок, – отшутился Скорцени, и все четверо рассмеялись.

– За шутку Скорцени – самую удачную шутку этой войны, – подняла свою рюмку Фройнштаг. – Пока война шутила с нами, Скорцени шутил с войной – так это будет выглядеть в пересказе историков, когда весь этот военный кавардак наконец завершится.

– Только, ради всех святых и непогрешимости непогрешимого, не упоминайте о девушках-камикадзе в присутствии итальянок, прессы и вообще... – взмолился Боргезе. – Если пойдет слух, что я набираю итальянок-смертниц, то первый смертник – перед вами.

«Кто бы мог подумать, что наша унтерштурмфюрер способна блистать таким красноречием? – искренне удивился Скорцени. – Раньше за ней этого не замечалось. Злоязычие – да, в этом ей не откажешь. Каждая фраза – что змеиный укус, тут Лилия всегда преуспевала».

Он убедился в этом еще в Италии, во время подготовки к операции «Черный кардинал». Иногда Отто казалось, что в своих едких репликах эсэсовка Фройнштаг реализует ту часть своей жестокости, которую не сумела реализовать, будучи самой заурядной охранницей концлагеря. О том, что Фройнштаг служила в охране концлагеря, Скорцени, конечно, старался забывать. Что, однако, не мешало ему время от времени хотя бы мысленно напоминать Фройнштаг об этой странице ее весьма несправедливой биографии.

– Так вы не против моей миссии, господин полковник? – игриво улыбнулась Фройнштаг, легкомысленно забыв о том, что на ней форма офицера СС.

Князь Боргезе хотел что-то ответить Лилии, но в это время открылась боковая дверь, и в зал вошла темноволосая девушка лет двадцати пяти. Все умолкли и, повернув лица в ее сторону, замерли. Высокая, стройная, облагодетельствованная легкой изысканной походкой, она представляла воплощением аристократической изысканности и неприступности. Белое вечернее платье с немыслимо глубоким декольте, словно короной, окаймлялось легкой меховой накидкой из натуральной тигриной шкуры и дополнялось массивным ожерельем, в котором рубины перемешивались с желтыми поллуниями янтаря.

– Надеюсь, я не разрушу ваш военно-полевой союз, – улыбнулась она ослепительной белозубой улыбкой, одинаково способной ввергнуть мужчин в необузданный азарт или в полное уныние. – Я решилась на этот визит в штаб карбонариев только потому, что вы уже нарушили монашеский обет и ввели в свое общество одну из прекраснейших женщин Германии.

Германский язык итальянки мог бы показаться таким же изысканно безупречным, как и все, чем она способна блеснуть сейчас, если бы не этот, с детства знакомый Скорцени, австрийский акцент, всегда резавший слух берлинцев своей альпийской необузданностью.

– Вы же знаете, что все попытки мужчин хотя бы однажды устоять перед женщинами завершаются еще более страшным падением, чем то, перед которым они пытались устоять, – учтиво заметил Боргезе, но сразу же спохватился: – Простите, господа. Позвольте представить: графиня Стефания Ломбези.

– Счастлива оказаться в столь достойном обществе, – озарила Стефания присутствующих ослепительной улыбкой светской жрицы.

Фройнштаг медленно, словно заводная кукла, повернула голову в сторону Скорцени, взглянула на него расширенными от удивления глазами и вновь уставилась на графиню.

Возможно, Боргезе и способно было удивить ее поведение, но только не Скорцени. Хотя он тоже пребывал в том состоянии, когда самое время ущипнуть себя за ухо и основательно протереть глаза. Это смуглое, очаровательное личико, изысканно отточенный, почти идеально римский носик, индусская родинка на левой щеке и эта ошеломляюще длинная лебяжья шея, способная привести в завистливую ярость любую Нефертити.

– Мы тоже рады видеть вас, Мария-Вик... простите, Стефания... – невозмутимо проговорил Скорцени, заставляя себя вернуться в скорлупу восхитительной растерянности.

Перед ними, конечно же, была Мария-Виктория княгиня Сардони, она же Катарина Пьянци, она же агент итальянской разведки, наверняка перевербованный английской, но в то же время оказывающий услуги абверу, что, однако, не мешало княгине поддерживать прекрасные, почти интимные отношения с американской спецслужбой, все наглее и наглее проникавшей во все сферы жизни Италии.

Но тут Скорцени захотелось остановиться и, спасительно вздохнув, напомнить себе, что перед ним еще и ослепительная аристократка, за одну улыбку которой готовы забыть о своем долге даже некоторые очень стойкие штурмбаннфюреры СС, так и не осмелившиеся в свое время ликвидировать этого агента-двойняшку, если не тройняшку.

12

Это была их ночь.

Луна наконец освободилась от кровавого нимба, тучи, собиравшиеся вокруг нее, словно запоздалые льдины вокруг бутона лилии, растаивали в полуночной черноте вселенной, и сияние, которое наполняло комнату, упрятывая их греховно-брачное ложе под серебристым шатром, источало неслышимую мелодию Космоса, сопровождающую всякую земную жизнь от ее зачатия до смерти.

– Я хочу, чтобы тебе было хорошо со мной. Чтобы ты чувствовал себя счастливым. Чтобы тебя всегда тянуло сюда, в эту горную обитель, в эту комнатку, к женщине, которая обожествляет тебя.

Ева не произносила этих слов, они зарождались как бы сами собой, из ее любовных вздохов, напоминающих предродовые стоны; из ее стонов, которые мужчина обязан был воспринимать как умиленные вздохи; из теплоты рук и теплой влажности губ...

Нет, она так и не способна была прислушаться к совету Магды Геббельс, не способна была повести себя таким образом, чтобы фюрер оставался властелином даже в постели. Если на публике, в узком кругу подчиненных или в присутствии пораженной вирусом национал-патриотизма толпы он еще мог сыграть фюрера, мог, благодаря своему непостижимому гипнотическому влиянию, своему ораторскому искусству, предстать перед ними повелителем, то в постели, несмотря на все старания Евы, продолжал быть всего лишь ослабевшим телом, обремененным заботами, углубленным в свои мысли, стареющим греховодником, возможности одрябшего тела которого давно не соответствовали его интимным порывам. И ничего поделать с этим Ева Браун уже не могла.

– Это так прекрасно, что мы снова вместе. Нам вдвоем хорошо, потому что хорошо нам может быть только вдвоем. Здесь никто не способен отнять тебя. Здесь мы ограждены от неистового мира врагов и завистников. Здесь я принадлежу тебе, мой нежный. Мой фюрер.

Слушая постельную исповедь «рейхснаножицы», Гитлер пребывал как бы в полусне. Сомнамбулические движения, которыми он встречал каждое движение рук «своей Евы», происходили сами собой, вне его сознания.

Нежность теплого лунного сияния сливалась с колдовской нежностью женщины, витавшей над ним, словно ангельский вестник высшего земного блаженства. Ее волосы у него на подбородке. Ее губы – у его груди. Ее руки прикасаются к адамову таинству жизни...

В эти минуты Гитлер совершенно не думал о той, что священнодействовала над его телом. Он стоял на вершине огромной, уходящей в поднебесье стелы, и несметная обывательская орда, бьющаяся у ее подножия, тянулась к нему миллионами пылающих глаз, ликующих голосов, жадных, вознесенных к небесам и к величию вождя рук.

Ему еще никогда не было так хорошо с этой женщиной, в ласках которой словно бы сконцентрировалась любовь всех тех неистовствующих германок, что жаждут прикоснуться к его телу, будто к святыне; жаждут быть любимыми им; бросающихся под колеса его автомобиля и прорывающихся сквозь полицейские кордоны с яростным криком-молением: «Фюрер, я хочу родить вам сына! Подарите Германии еще одного воина!»

Как запоздало пришла к нему эта слава, это великое, всегерманское обожествление! О, если бы власть над миром увенчивалась властью над временем! Если бы...

Еще несколько слов, еще несколько нежных прикосновений. И они оба замерли, словно новопостриженные монахи перед непостижимым Таинством причастия. И вдруг Гитлер услышал ликующий голос Евы – величественный, жизнеутверждающий рык благословленной богами самки. Адольф ощутил, как женщина оседлала его тело, как она неистово впилась паль-

цами в его грудь и как ее сладостный стон, в котором уже угадывался ликующий клич младенца, начал переплавляться в торжественный гимн обладания...

И так продолжалось долго. В тех нескольких минутах, в течение которых длилась агония их любви, протекали века. Зарождались и угасали целые созвездия. Созревали на ветвях вечности и уплывали в небытие целые миры.

...Когда все завершилось и «страсти по инстинкту» улеглись, Гитлер увидел себя как бы с высоты поднебесья. Он увидел себя оголенным посреди заснеженной равнины. Меж сотен окоченевших трупов солдат, брошенных машин и растерзанных лошадей.

А еще – быющую над его остывшим телом в погребальных стенаниях женщину...

...И чудились ему отлетающие к небесам мириады солдатских душ, уже извещавших о своем вечном успокоении пением ангелов и возносящих величие своего фюрера поминальным криком воронья.

– Мы с тобой – вечные, – молвила вдруг Ева. И слова эти показались фюреру нашептанными кем-то из Высших Посвященных.

– Это святая правда, – едва пробился его голос сквозь марево видений.

– Мы с тобой вечные. Иначе зачем эта вечность? К чему она? Лед вечности, застывающий в вечности льдов? В таком случае окажется, что мир соткан из бессмысленности.

– Он и был бы соткан из бессмысленности, мое Евангелие, если бы не существовало нас. И не снисходили бы на все сущее такие вот ночи, как эта.

Они помолчали.

Лунное сияние источало едва слышимую мелодию космических сфер, и какое-то время влюбленные прислушивались к ней, словно к голосу органа.

– Это последняя наша ночь, – неожиданно молвила Ева.

– Почему последняя?

– Такая – во всяком случае. Ведь таких ночей у нас могло быть значительно больше. Очень много. Но их не было.

– Не было, – меланхолично повторил Адольф.

– Эта – действительно последняя, – прижалась щекой к его плечу. – Предчувствую... Обычно ты называешь меня своим Евангелием. – Еве очень не хотелось, чтобы он умолкал. Она ценила эти ночные разговоры. – Мне очень нравится, когда ты так называешь меня. Правда, приходится задумываться: искренне ли.

– ...Наша последняя, – молвил фюрер. Ева так и не поняла: то ли поддался ее предчувствию, то ли уже в полусне.

Женщина прислушалась. Нет, не похоже, чтобы уснул.

– Лед вечности, застывающий в вечности льдов... – задумчиво повторила она. – Это о нас с тобой. А ведь многие, по глупости своей, считают нас счастливыми. И безбожно завидуют.

– Обязаны завидовать. Это их удел.

– Скажи, я действительно твое Евангелие?

– Только мое. Причем совершенно безгрешное. Истинно святое.

13

В военной миссии Семенова ожидали начальник разведывательного отдела штаба Квантунской армии полковник Исимура и его переводчик капитан Куроки.

– Нам стало известно, господин генераль, что вы проявляете все большую нетерпимость к политике японского правительства в Маньчжурии. Нам стало известно...

Презрительно опущенные уголки губ капитана застыли в той возмущенно-оскорбленной мине, которая сразу же заставила Семенова вспомнить, кто есть кто, кому он служит и кто оплачивает все те загулы и увлечения, которыми он скрашивает свое великое маньчжурское бездельничанье за спиной у японских солдат.

– Не могу понять, о чем вы, господин полковник, – обратился командующий к Исимуре, поскольку капитан начал с перевода его слов.

– Ваши офицеры и вы лично постоянно возмущаетесь тем, что Квантунская армия не начинает наступления и даже не собирается переходить русскую границу, – продолжал уже сам Куроки. Командующему давно было известно, что на самом деле перед ним не капитан-переводчик, а генерал Судзуки. Как, впрочем, и для «капитана» не оставалось секретом, что он давно раскрыт. Тем не менее генерал предпочитал выступать в роли вежливого, чинопочитающего переводчика, давая понять Семенову, что роль эта предназначена не для него одного, а для всех тех офицеров, политиков и коммерсантов, с которыми ему здесь приходится иметь дело. А еще – демонстрировать полное пренебрежение к тому, известно ли командующему, кто перед ним, или не известно.

– Армия – на то и армия, господин капитан, чтобы жить с войны, а не с подачек, в соболях-алмазах, – переминался Семенов с ноги на ногу, ожидая, когда восседавшие в плетеных креслах японцы великодушно предложат ему сесть.

– Воюет не армия, воюет император, – назидательно объяснил Исимура, прекрасно понятый Семеновым и без переводчика.

– Штаб Квантунской армии не может начать наступление, пока не будет получен приказ, – вновь перехватил инициативу Куроки.

– Но этого приказа, судя по всему, так и не поступит, а война с германцем вот-вот закончится, в соболях-алмазах, – ожесточился Семенов. Коль уж эти япошки решили потоптаться по его душевным мозолям, пусть выслушают все, что он о них думает.

– Война может закончиться еще раньше, чем вы предполагаете, может закончиться...⁹ – оставался Куроки верным своей привычке: повторять начало почти каждой фразы.

– Еще бы! Ваш министр иностранных дел Сигемицу постарается. Вместо того чтобы навалиться на Дальний Восток и, пока большая часть советских войск увязла в сражениях на Западном фронте, диктовать здесь свою волю, господин Сигемицу все пытается убедить Гитлера, что ему во что бы то ни стало следует заключить с коммунистами почетный мир.

– Да, почетный мир... – командующий так и не понял: то ли подтвердил, то ли переспросил Куроки.

– Какой офицер Русской освободительной армии способен понять такое? И как я должен объяснять это своему воинству? Но объяснять-то все равно должен, в соболях-алмазах.

Переводчик и полковник Исимура мрачно переглянулись, но лица их продолжали оставаться непроницаемыми. «Будь на их месте русские, они бы уже выматерили меня и выставили», – понял смысл их мрачности генерал. Однако это его не остановило.

---

⁹ Реальные факты. Японцы не только предпринимали попытки уговорить руководство рейха заключить сепаратный мир с Россией, но и предлагали свои посреднические услуги. Эти дипломатические усилия японского правительства ставили в очень невыгодное положение штаб Семенова. Атаман понимал, что предметом торга неминуемо станет и его армия.

– Кстати, мне хорошо известно, что в Германию со специальной миссией отбыл контр-адмирал Кодзима¹⁰, – решил окончательно добить их своей информированностью Семенов. – Поэтому я не удивлюсь, узнав, что он запросил униженного мира.

Эти сведения контрразведчикам Фротова удалось заполучить из разговора под пьяную руку двух японских генералов, а потому Семенов не сомневался, что они являются секретными и должны произвести на японцев должное впечатление.

– Контр-адмирал Кодзима действительно был послан в Германию для переговоров с фюрером, – признал капитан, крайне удивляясь, что Семенову известно об этой акции. – Он прибыл туда на подводной лодке еще в прошлом году, он прибыл... Теперь вы знаете все, причем знаете от нас, господин Семейонов. Нам бы не хотелось, чтобы мы когда-либо возвращались к этой теме, нам бы не хотелось...

– Когда-либо, – проворчал Исимура, оставаясь крайне недовольным претензиями командующего. Как шеф разведки Квантунской армии он чувствовал себя ответственным за то, чтобы русские генералы, нашедшие приют в Маньчжурии, всегда четко знали свое место и не смели того, чего вообще, в принципе не смели.

– В этом мире не все происходит так, как хочется императору, – миролюбиво свел на нет остроту ситуации капитан. – Мы же должны молиться, чтобы императору всегда хотелось того же, чего хочется Богу.

– ...В соболях-алмазах! – только и мог поддержать это монашеское нравоучение Семенов.

Он не уловил, по какому знаку капитана полковник Исимура решил, что он здесь лишний, но тот неожиданно поднялся и, вежливо откланявшись обоим, оставил двух генералов тет-а-тет.

– Господин полковник утверждает, что его разведке ничего не известно о судьбе ротмистра Курбатова.

– Уже подполковника Курбатова, – уточнил Семенов, все еще не прощая вежливо нанесенного ему оскорбления.

Появилась официантка с чашками чая на подносе. Мельком оцупав ее взглядом, командующий самодовольно признал, что этой лошадинойлицей япошке далеко до его Сото. Но сразу же вспомнил, что еще одна такая ссора с японцами, и его япошка может исчезнуть навсегда.

«Когда же это кончится?! – мысленно возмутился он. Но тотчас же объяснил себе: – А только тогда, когда боги начнут сверять свои желания по желаниям его величества императора страны Даурии Семенова. Но тогда вопрос: когда это настанет?»

– Последние сведения, поступившие от группы легионера, подтверждали, что Сибирь, до самого Урала, он уже прошел. Где он там исчез на российских равнинах, сие мне, в соболях-алмазах, неведомо. Но только верится, что и Европу этот казак тоже пройдет. Есть в нем что-то такое, что не позволяет поставить его рядом с сотней других рубак.

– Мы тоже получили от своего агента сообщение, что Курбатов зарегистрирован на контрольном пункте в Воронеже. Больше сведений не поступало, больше сведений... Но пока он странствует, германцы уходят на запад. Опасаемся, что ему придется переходить линию фронта уже под Берлином. Это сразу же сведет на нет все наши усилия, сведет на нет...

– Так что будем предпринимать, в соболях-алмазах? Послать еще одну группу, но уже через Казахстан? И чтобы маршем, без диверсий?

---

¹⁰ Контр-адмирал Кодзима являлся командиром японского крейсера и прославился во время морского сражения за Сингапур. В Германию он прибыл в 1943 году и оставался там почти в течение года, но к фюреру допущен так и не был. Об этом сохранилось письменное свидетельство.

– Вам нужно послать несколько групп. Больших групп. Не в Германию, а туда, за Амур, – вновь заулыбался Куроки. – Мы создали армию Семенова здесь, а нужно было создать ее за Байкалом и на Дальнем Востоке.

– Но нам не удастся создавать там целую армию. Кое-какое подполье – да. Небольшие отряды могут просуществовать месяц-другой, да и то лишь в ожидании нашего наступления. Зимой в сибирских лесах долго не попартизанишь.

– Нужно создавать отряды за Байкалом, – придурковато улыбался Куроки, указывая корявым пальцем куда-то в пространство, словно бы и не слышал объяснений командующего. – Семеновский корпус там... создавать. Когда начнет воевать корпус, армия Семенова тоже пойдет за Амур. Вы ведь этого хотите, генераль? – слово «генерал» Куроки так по-настоящему и не освоил, хотя в последнее время – видно, благодаря общению с белоэмигрантами – русский его стал намного чище и богаче. Вот только «генераль» по-прежнему получалось на французский манер.

– И что мы там станем делать, позвольте вас спросить? Пока мы поднимем восстание, Советы разделяются с Гитлером и перебросят к Амуру столько дивизий, что те сапогами нас затопчут. Фронтовиков бросят, прошедших всю Европу. Победителей. Какие силы я смогу противопоставить им, если ваша Квантунская до сих пор ни одного брода через Амур не прощупала?

– Мы вам поможем, господин генераль, мы вам... Мы дадим вам оружие. Вы сможете мобилизовать свой русский резерв...

«Да они же предают тебя, в соболях-алмазах! – вновь вспыхнул Семенов, поняв, к чему клонит Куроки. – Они вышвыривают тебя за дверь, как шелудивого пса на съедение голодной волчьей стае – вот чем они платят тебе за всю твою службу! Сабельно, азиат вашу мать, сабельно...»

– Коль уж выступать за Амур, то выступать вместе, господин генерал, – впервые назвал Семенов тот истинный чин, в котором пребывал мнимый переводчик.

– Генераль? – удивленно переспросил Куроки.

– Да, вы – генерал Судзуки. Мне это прекрасно известно. И впредь давайте говорить как генерал с генералом.

Какое-то время Судзуки оцепенело смотрел на командующего, не зная, как ему следует реагировать на это признание. Затем неожиданно взорвался:

– Правильно, я – генераль Судзуки. Но впредь вы, генераль, будете знать только то, что вам надлежит знать.

– ...Если же Квантунская армия, – продолжал выплескивать свой гнев Семенов, уводя Судзуки от болезненной для него темы конспирации, – не собирается воевать с Россией, тогда не спешите изгонять нас. Куда нам теперь? На погибель, что ли? Мы еще понадобится вам здесь. Нам еще вместе придется сражаться и на Амуре, и на Сунгари. И не надейтесь, генерал, что, разгромив германцев, большевики позволят вам, союзникам Гитлера, хоть полгода продержаться в Маньчжурии и вообще в Китае. Так что вы еще молиться будете на моих казачков-рубак, потому что ни в одной рубке-схватке с русскими вам не устоять. Это я вам говорю, русский казачий генерал Семенов.

– Когда русские разгромят германцев, мы с ними уже заключим мирный договор, когда русские разгромят... – в улыбке Судзуки не осталось уже ничего такого, что свидетельствовало бы о вежливости и традиционной сдержанности японцев. – Сталин не решится переходить Амур и начинать вторую великую войну – теперь уже в Азии. Так же, как мы не переходили Амур, когда он отступал к Москве.

– Просто вы еще не поняли, господин генерал, что имеете дело с коммунистами, в соболях-алмазах. Для которых понятие слова чести и верности договору абсолютно ничего не значит.

– То есть вы считаете, что они нападут на нас в любом случае? – предельно сузились глаза Судзуки, когда, перегнувшись через стол, он приблизил свое лицо к лицу атамана Семенова.

– Я в этом уверен, в соболях-алмазах. И не хотелось бы дожить до того дня, когда придется вспоминать о моем предупреждении, уже находясь в плену у красных. В одном лагере с вами.

Судзуки нервно рассмеялся и откинулся на спинку кресла. Пророчество относительно лагеря красных показалось ему на удивление забавным.

«А ведь он не понимает, что это не так уж смешно выглядит, как ему кажется», – с грустью подумал Семенов, вновь убеждаясь в том, что и в штабе Квантунской армии, и в самом Токио так до сих пор и не уяснили, какую непростительную глупость они совершают, пытаясь отсидеться за Амуром, словно юродивые на пепелище.

14

Пока в Генуэзском зале виллы собирались приглашенные на это секретное совещание, Скорцени сидел в глубоком кресле в отведенной ему комнатке с окном, выходящим на озеро, и просматривал изданную на итальянском и немецком брошюрку «Ветер богов» о японских камикадзе.

В переводе с японского, говорилось в ней, «камикадзе» означает «ветер богов», или «священный ветер». В японском языке это понятие появилось более семисот лет назад.

Зная, что к берегам Японии приближается огромная эскадра монгольского императора, японцы молили богов, чтобы они спасли их страну от нашествия и разорения. И боги услышали их молитвы. Налетевший тайфун оказался такой страшной силы, что многие корабли были почти мгновенно потоплены уже неподалеку от японских берегов, остальные основательно потрепаны и разбросаны по морю. Этот тайфун был назван ветром богов.

Помня о Божественном покровительстве императору, несколько лет назад японское командование основало на острове Формоза специальную военную базу, на которой начало формировать отряды военных летчиков-смертников. Всякий такой отряд насчитывает двадцать четыре пилота, каждый из которых является добровольцем и принимает обет воина-самурая с клятвой пожертвовать жизнью во имя императора.

«Жизнь человеческая легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы», – вот та философская истина, в постижении которой японские камикадзе поднимаются в воздух на начиненных взрывчаткой самолетах, чтобы уже никогда больше не вернуться.

«Жизнь человеческая легка, как перо, а долг перед императором тяжелее горы»... – повторил Скорцени, швыряя брошюру на столик и решительно поднимаясь. – Не мешало бы сформулировать нечто подобное и для германских камикадзе. Попутно убедив наших смертников, что японская саке ничуть не священнее смертоубийственного германского шнапса. Уж относительно шнапса сомнений у них точно не возникнет.

Когда Скорцени вошел в Генуэзский зал, получивший свое название в связи с тем, что стены его были увешаны полотнами, с которых представляли виды Генуи, все присутствовавшие там встали.

– Доктор фон Ультех, – назвал себя полукарлик в гражданском, и кирпичное гипертоническое лицо его обагрилось до такой степени, что, казалось, вот-вот самовозгорится. – Я представляю здесь интересы группенфюрера СС Ганса Каммлера¹¹.

– Точнее сказать, особую команду «Дора», которую этот группенфюрер возглавляет, – избавил Скорцени доктора от ненужных объяснений. – Вы обладаете достаточными полномочиями, чтобы вести переговоры?

– Достаточными для того, чтобы командир особой команды мог прислушиваться к моим советам.

– Он иногда прислушивается к ним? – вежливо сбил с доктора спесь Скорцени.

– Можете не сомневаться, – неожиданно потускнело лицо фон Ультеха.

– Вы ознакомились с идеями князя Боргезе и его диверсионной школой? – кивнул Скорцени в сторону остановившегося чуть позади итальянского полковника, вошедшего в зал вместе с ним.

– Как и все остальные прибывшие сюда.

– Вам следует сделать это с особой тщательностью.

Доктор фон Ультех по-армейски шелкнул каблуками.

---

¹¹ Группенфюрер Ганс Каммлер являлся личным особым уполномоченным фюрера по производству ракет «Фау». Возглавляемая им особая команда «Дора» занималась проектированием ракет и выработкой стратегии их использования.

– Штандартенфюрер Ротергель, – с учтивостью официанта склонил квадратную, обрамленную сединой голову здоровенный детина, на котором мундир обвисал, словно мантия на судье. – Из проектного бюро в Пеенемюнде.

– Если я верно понял, личный представитель инженера фон Брауна?

– Оказывается, о научно-техническом штабе рейха вы осведомлены значительно лучше, чем мы предполагали, – метнул Ротергель взгляд в сторону доктора Ультеха, давая понять, что высказывает их общее мнение.

– Все вы теперь в той или иной степени будете находиться в распоряжении особой Секретной службы СС по созданию новых видов оружия особого назначения, которую фюрер приказал возглавить мне, – резко объяснил ему штурмбаннфюрер. – И мне неприятно слышать, что кого-то удивляет мое знание ситуации, а также технического и людского потенциалов.

– Совершенно справедливо, – поспешно согласился штандартенфюрер, еще не успевший привыкнуть к тому, что существуют такие области, в которых подчиненность определяется вовсе не воинскими чинами. – Хотел бы заметить, что господин Браун с интересом воспримет любое дельное предложение и готов осваивать любой проект, способный служить рейху¹².

– В скором времени мне понадобятся и его предприятия, и его «любимцы смерти». Тем более, что фюрер не в восторге от темпов производства «Фау-2», не говоря уже об их техническом совершенстве.

– Мы знаем, что многие наши ракеты становятся неуправляемыми, господин штурмбаннфюрер. Но, говорят, вы способны подчинять своей воле даже эти страшилища, – несколько заискивающе улыбнулся Ротергель.

– И пусть кто-либо решится заявить, что это не так. Вы, конечно же, командированы сюда имперским министерством авиации? – грозно уставился Скорцени на худощавого неказистого офицера в мундире подполковника авиации.

– Теодор Беннеке, с вашего позволения.

– Лю-бим-цы смер-ти! – воинственно рассмеялся Скорцени, оглядывая подполковника с такой вызывающей пренебрежительностью, словно перед ним выстроили весь офицерский корпус люфтваффе, на которое фюрер все чаще возлагал основную вину за поражения на Восточном фронте. – Что, наконец-то и люфтваффе решило создать эскадрильи смертников? Стыдно стало перед японцами?

– Во всяком случае военные летчики имеют свои взгляды на новые виды оружия особого назначения.

– Понятно, в смертниках-камикадзе вы не нуждаетесь, поскольку все ваши пилоты и так давно чувствуют себя смертниками.

Совершенно не интересуясь реакцией летчика, Скорцени скользнул взглядом по двум типам в гражданском, явившимся сюда вместе с вице-адмиралом Хейе. Он уже знал, что эти яйцеголовые представляли конструкторские бюро, работающие на надводный и подводный флоты. Но что представляли из себя они сами – этого он пока не ведал. Разве что так, в общих чертах.

Предложив всем сесть, «первый диверсант рейха» почти с минуту молча стоял перед ними, всматриваясь в свое внутреннее «никуда».

– С известных вам пор война приобрела новые очертания и новый характер, – неожиданно взорвался он резкой гортанной речью. – Чтобы достичь перевеса на том или ином

---

¹² Вернер фон Браун – известный германский инженер и конструктор. Являлся техническим директором проектного бюро в Пеенемюнде, которое занималось разработкой ракет, изготовление которых, как известно, производилось в основном заключенными концентрационного лагеря «Дора», располагавшегося вблизи города Нордхаузена, что в Южном Гарце. После войны фон Браун, вместе со значительной частью научно-инженерного состава своего бюро, занимался конструированием ракет в США, где его штаб-квартира располагалась в городе Хантсвилле, штат Алабама. Именно с его именем американцы связывают свои успехи в военном, а в какой-то степени и космическом ракетостроении.

участке фронта или хотя бы на время деморализовать противника, мы бросаем на смерть тысячи наших парней. То, что вы видели на базе «Икс-флотилии» и здесь, на озере, – всего лишь начало. Но мужество итальянских и немецких добровольцев, которые готовятся к выполнению своей высшей миссии, указывает нам иной путь борьбы. Путь, уже избранный отрядами наших союзников, японских камикадзе.

В зале становилось душновато, однако все старались не замечать этого. И лишь когда в приоткрытое окно проник освежающий ветер с озера, рванули на себе воротники кителей и узлы галстуков, словно лихорадочно ослабляли удушавшие их петли. Пара чаек, из тех, что Боргезе специально приказал завезти сюда еще детенышами, дабы они прижились на озере, носились туда-сюда мимо окна-бойницы, гортанно копируя речь «первого диверсанта рейха», словно глашатаи, объявлявшие его волю для всех тех обитателей «Эмилии», которые не могли лично слышать Скорцени.

– Это путь, позволяющий одному добровольцу, отдающему жизнь во имя вечного рейха, спасти жизни сотен своих товарищей, забрав с собой жизни сотен врагов. Он дает возможность уничтожить важный объект противника – надводный корабль, субмарину, военный завод, – которые при иных условиях уничтожить было бы крайне сложно да к тому же пришлось бы достигать этого ценой больших потерь.

Скорцени на секунду прервал свою речь и оглянулся на возникшего в двери скелетообразного гражданского, осмелившегося войти без его разрешения.

– Простите, господин штурмбаннфюрер Скорцени, – нерешительно улыбнулся очкарик, лицо которого явно выдавало в нем полуеврея. – Газета «Фелькишер беобахтер». Я получил задание...¹³

– Меня не интересует ваше задание, господин Вейльштейн, – прервал его «первый диверсант рейха». – Свое задание вы получите здесь. А пока, за неимением свободного кресла, постойте.

– Понял, господин Скорцени.

Отто метнул взгляд в занавешенное сосновой кроной окно, пытаясь отвлечься от обыденности, в которую поневоле втянул его своим появлением журналист, и вернуть себе высокое вдохновение, достойное духа «священного ветра».

– Мы должны сделать так, чтобы мощные разрушительные снаряды полностью подчинялись воле человека. Управляемая смертником торпеда достигнет цели даже в том случае, когда капитану судна покажется, что ему удалось увести свой корабль от ее курса. Небольшой начиненный взрывчаткой катер, нацеленный прямо в борт крейсера моряком, который заботится не о собственном спасении, а лишь о достойной гибели, превращается в меч неотвратимого возмездия. Ракета «Фау» или даже планирующая бомба может быть доведена до цели пилотом, который возьмет на себя управление этой «небесной смертью».

– Планирующая бомба с пилотом? – сдали нервы у подполковника авиации.

– Что вам показалось в этом невероятным? – мгновенно отреагировал Скорцени.

– Да странно как-то...

– Это впечатление развеется, как только мы предоставим вам право первому испытать такую бомбу в действии при выполнении боевого задания, – спокойно и вежливо пообещал ему Скорцени. И никому из присутствующих не пришло в голову воспринять его слова как шутку. В устах этого громилы с исполосованной шрамами щекой шутки как-то сами собой переходили в жестокую правду реальности.

---

¹³ О подготовке и боевых действиях первых отрядов германских камикадзе газета «Фелькишер беобахтер» («Народный обозреватель») писала в одном из сентябрьских (1944 г.) номеров, отмечая при этом, что большинство смертников совсем молоды и перед выходом на задание они заявляют, что «направят оружие на особо важные цели, не рассчитывая вернуться живыми».

15

Уже две недели фельдмаршал фон Клюге томился неопределенностью своей судьбы в ставке «Бергхоф» на правах, как ему объяснил начальник управления кадров сухопутных войск генерал Рудольф Шмундт, «гостя альпийской ставки верховного главнокомандования». При этом фюрер вел себя довольно странно. С одной стороны, он совершенно не подпускал полуопального фельдмаршала, только недавно освобожденного от командования группой войск «Центр», сколько-нибудь близко к себе; с другой – фон Клюге приглашали на все более-менее важные военные совещания, в ходе которых никто ни разу так и не поинтересовался ни его мнением, ни общими взглядами на ситуацию на фронтах. Никто ни разу! Это приводило фельдмаршала в неопишное смятение. Никогда еще за всю свою военную карьеру фон Клюге не чувствовал себя настолько ненужным, настолько отстраненным от армии, от военных событий.

Не выдержав, фельдмаршал как-то прямо спросил Кейтеля, сколь долго может продлиться его «неуместное» пребывание в «Бергхофе» и вообще – как ему следует воспринимать свое положение.

– У нас разное толкование вашего присутствия здесь, – философски изрек начальник штаба. – В частности, у меня и у фюрера. Что касается меня, то важно, что все командующие фронтами и группами армий постоянно помнят: под рукой у фюрера и начальника Генштаба всегда есть слоняющийся без дела фельдмаршал фон Клюге, которым вполне можно заменить любого из них. Как думаете, это должно взбадривать наших полководцев?

– Обычно их взбадривают вовремя подброшенные подкрепления и свобода действий, – каждое слово шестидесятидвухлетний фон Клюге произносил так, словно пережевывал при этом кусок старой баранины. – Могу поклясться, что ни того, ни другого предоставить им вы пока что не в состоянии, позор без всякого приличия.

– Ну почему же... Время от времени...

– Подкрепления тогда подкрепления, когда они прибывают вовремя. Поэтому объясните хотя бы, как мой затянувшийся визит воспринимается фюрером.

– Ну, фельдмаршал, вы требуете от меня невозможного. Историки истолкуют его восприятие как одну из загадок рейха.

– Как одну из нелепиц, позор без всякого приличия.

После этого разговора прошло почти две недели. В положении фон Клюге с тех пор решительно ничего не изменилось. Зато сам фельдмаршал остро ощущал, что атмосфера в «Бергхофе» с каждым днем все больше накаляется. И тому были свои причины. Если на Восточном фронте обстановка более-менее стабилизировалась и на отдельных участках даже наметилось уже привычное «летнее противостояние», то каждое новое сообщение из Франции приводило Кейтеля в замешательство, а Гитлера – в апатическое уныние. Что воспринималось его генералыштаблерами¹⁴ с большей опаской, чем иные вспышки гнева.

– Завтра еще одно совещание у фюрера, – предупредил фон Клюге адъютант Кейтеля, разыскав его в офицерском кафе. – Будут вызваны Рундштедт и Роммель. В связи с этим фюрер ждет вас у себя ровно через час.

– Меня? – с трепетом спросил фельдмаршал, считавший, что о нем уже напрочь забыли. – В связи с вызовом командующего Западным фронтом?

– Мой шеф считает, что да.

---

¹⁴ Офицеры Генштаба.

– Неужели Западным? – просветлел фон Клюге. После русских фронтов отправка на Западный казалась ему равносильной почетной отставке. Или отпуском, проведенным во Франции. В зависимости от настроения.

Фюрер ждал его не в кабинете, а на небольшой смотровой площадке, на краю которой главнокомандующий сухопутными силами стоял с таким видом, словно там, внизу, у подножия горы, разворачивались для сражения полки его бесстрашных германцев. Даже когда фон Клюге поздоровался с ним и остановился рядом, фюрер еще с минуту пристально всматривался в зеленеющие вершины предгорий с величаво парящим над ними орлом, образ которого, возможно, лег в основу символа орла имперского.

– Ходят слухи, что вы так и не поняли, почему я столько времени держу вас при себе, фон Клюге?

– Хочется верить, что это вызвано тактической необходимостью.

– Скорее – стратегической. Пока вы здесь, у меня теплится надежда, что одним фельдмаршалом-заговорщиком окажется меньше. – Гитлер всегда умел шокировать своей убийственной прямоотой, но в этот раз он по-настоящему задел фон Клюге.

– Извините, мой фюрер, я никогда не состоял ни в каком заговоре.

– Вы в этом уверены? Сомнения вас не гложут?

– Существует кто-то, кто предоставил бы факты? – фон Клюге уже понял свою ошибку: ему следовало воспринять слова фюрера как шутку, не обратив на них внимания.

– Будь я менее расположенным к вам, фельдмаршал, я арестовал бы вас еще в штабе группы армий «Центр», ибо еще тогда вы знали о заговоре, и еще тогда путчисты упорно, нагло подступались к вам. Что, собираетесь возразить?

«Неужели он действительно знает о визите ко мне Герделера и моем гонце в штаб Фромма?» – ледяной судорогой свело челюсти фон Клюге. Их всегда сводило так при сильном страхе или ярости – контужная отметина Первой мировой.

– Мой фюрер, я действительно не раз высказывал критические замечания по поводу некоторых ваших военных решений, – проговорил фон Клюге, нервно одергивая поля кителя. – Но мне совершенно непонятно, на каком основании вы причисляете меня...

– Прекратите оправдываться, Клюге, – безнадежно махнул рукой Гитлер. – У меня не осталось ни одного фельдмаршала, на которого я мог бы положиться полностью. Если бы действительно был уверен, что вы присоединились к моим ненавистникам, вы бы беседовали сейчас не со мной, а с гестаповским Мюллером. А пока что... – фюрер резко оглянулся, пройдясь по фон Клюге своим свинцово-ледяным взглядом. – Вы не хуже моего знаете, что происходит в эти дни на Западе.

– Естественно. Каждый день прорабатываю ход сражения на карте.

Гитлер взглянул на фельдмаршала с искренним сожалением, как на идиота.

– И как же вам видится развитие ситуации?

– Неутешительным.

«Вот и вся цена твоей игры в сражения по карте, фельдмаршал! – злорадствовал Гитлер. – На полях Нормандии успех будет таким же».

– Ясно, фельдмаршал, ясно. Какова же, на ваш взгляд, развязка этого нормандского узла?

– Прежде всего следует сменить стиль руководства фронтом. Пораженческие настроения, возобладавшие в штабах с момента начала противником операции, – это нечто неслыханное в нашей армии. Иногда у меня создается впечатление, что оба фельдмаршала, Рундштедт и Роммель, готовы хоть сегодня сдать фронт англичанам, только бы убедить всех нас, что война уже по существу проиграна и завершать ее нужно сегодня же, на любых условиях.

– А ведь кое-кто пытается убедить меня, что у Рундштедта это от слабости нервов, – как бы про себя проговорил Гитлер. – Оказывается, теперь и это – в оправдание. Хорошо, фон Клюге. У нас есть еще ночь. Завтра наши «нормандцы» появятся в ставке и мы посмотрим,

с чем они прибыли. И если они не привезли с собой ничего, кроме расшатанных Парижем нервов..! – на грозных нотах завершил он.

Фон Клюге демонстративно пожал увядающими плечами, которые не могли удержать даже строгие формы фельдмаршальского кителя, давая понять, что совершенно отстраняется от каких бы то ни было мер в отношении своих коллег. Он всего лишь высказал свое мнение – и не более того.

- Значит, вы советуете сменить стиль руководства, фельдмаршал?
- Если хотите отстоять все то, что завоевано нами на Западе.
- Но его нельзя сменить, не сменив командующего фронтом.

16

Подполковник Имоти появился именно тогда, когда пришла его пора появиться. «Они вышколены, словно дворовые, и каждую сцену встречи со мной разыгрывают, как в домашнем театре провинциальной учительницы русского языка», – генерал Семенов оттянул вспотевшими пальцами влажный ворот кителя, наблюдая, как рослый, статный, с могучими плечами циркового борца подполковник замер со склоненной головой, ожидая повелительного окрика или жеста.

Этот полурусак-полуяпонец почему-то особенно не нравился командующему. Возможно, потому, что, соединив в себе русскую безалаберность и бесшабашность с азиатской хитростью и японской невозмутимостью, сей мерзавец оставался наиболее сложным для общения и лучше любого другого офицера штаба Квантунской армии воспринимал всю тыловую подноготную белого офицерства, одинаково презиравшего и великого вождя Сталина со всей его энкавэдистской сворой, и императора Хирохито со всем его придворным самурайским полуидиотизмом.

– Подполковник Имоти занимается женщиной, которая стреляла в вас, генераль, подполковник Имоти... – злорадно улыбнулся Судзуки.

– Весьма тронут. – Атаман понимал, что расстанутся они еще меньшими друзьями, чем встретились. Но что поделаешь: японцы сами загоняют его в безысходность.

– Подполковник Имоти знает, что вы хотите видеть эту женщину.

– Не было у меня такого желания, в соболях-алмазах, – отрубил атаман. Однако никакого впечатления на японцев это не произвело.

– Господин Имоти говорит, что вы можете встретиться с ней, генераль, – не кланялся, а раскачивался, словно стебель на ветру, тощий Судзуки. – У подъезда вас ждет машина.

Вежливым жестом дворецкого Имоти указал на дверь.

«Они желают окончательно убедить меня, что убирать атамана Семенова не в их интересах, – понял командующий. – Пока что, до поры до времени – не в их... Но если уж они решили столь демонстративно отмежеваться от покушения, то отказываться от визита к этой даме-террористке нельзя!»

У подъезда их ждал некий драндулет, по очертаниям своим немного напоминавший американский джип, но явно азиатского происхождения. Прежде чем сесть в него, Семенов подозрительно осмотрел машину, словно приценивался, не доверяя посреднику.

– Что-то японцы становятся раздражительными, – сочувственно проворчал подполковник, уступая Семенову место рядом с водителем и с трудом втискивая свое грузное тело на заднее сиденье. – Это от неопределенности.

– Вы себя к японцам больше не причисляете? – удивился командующий, обратив внимание, что машины Фротова у здания нет. Очевидно, Имоти специально убрал ее вместе с водителем и адъютантом, чтобы не путались под ногами.

– Меня постоянно раздражают противоречия, – Семенов не раз ловил себя на мысли, что русский язык Имоти значительно чище его казачье-станичного говора, от которого он так и не избавился, даже дослужившись до генеральских эполет. – Та часть моей души, которая воспринимает меня как японца, начинает с подозрительностью посматривать на ту часть, которая все еще воспринимает меня как русского.

– Русскому, истинному русскому этой вашей заушистой словесности не понять, – улыбнулся Семенов.

– Тогда я скажу проще, господин генерал. Как полурусский я сочувствую вашему белому движению, и в этом вы полностью можете положиться на меня, на мою поддержку.

– Сабельно, подполковник, сабельно... – Имоти уже знал, что в этом «сабельно» заключен весь смысл высшей похвалы атамана.

– Но как полуяпонец я должен предупредить вас, что правительство Страны восходящего солнца давно решило: все, что способен переварить японский имперский желудок, мы уже проглотили. Русская Сибирь нам не по желудку.

– Бросьте, подполковник: «не по желудку!» Ваши генералы спят и видят себя – кто во Владивостоке, кто в Омске. И я совершенно не осуждаю их за это. Что это за генерал, который не мыслит себя у ворот чужой столицы? Ну а моя программа вам известна.

– Она нам не по желудку, – спокойно продолжал свою мысль Имоти, словно бы не слышал Семенова. – Во всяком случае в эту войну. Поэтому любое ваше возмущение «маньчжурским стоянием за Амуром» не вызывает у командования Квантунской армии ничего, кроме раздражения.

Вряд ли подполковник обратил внимание, насколько вдруг вытянулось лицо командующего, воспринявшего его предупреждение как ультиматум.

– Вам специально поручили разъяснить мне это?

– Есть время задавать вопросы, но есть и время осмысливать советы. Сейчас – время осмысливать.

– Осмысливать? Сабельно, подполковник, сабельно...

Семенов оглянулся. Имоти сидел, упершись руками в колени, почти в позе Будды, и смотрел прямо перед собой, в просвет между его плечом и плечом водителя.

«Значит, недовольство японцев и в самом деле находится на том пределе, когда злоупотреблять их терпением не стоит, – проскрежетал зубами главнокомандующий Вооруженными силами Дальнего Востока. – Слишком много предупреждений. И слишком настойчиво они звучат. Но в то же время... Будь у них кто-то на примете вместо тебя, хватило бы и одного предупреждения. После него Сото нежно приласкала бы тебя порцией змеиного яда».

– В конце концов армия должна проявлять готовность сражаться, – сказал он, наблюдая, как водитель сворачивает на небольшую тупиковую улочку, в конце которой находилась японская контрразведка. О подвалах ее предпочитали не упоминать даже в среде прожженных белогвардейских контрразведчиков.

– Ваша армия?

– Моя – тоже, в саболях-алмазах.

– Ваша армия должна проявлять готовность выполнять приказы штаба Квантунской армии. Любые приказы, в любое время.

– Таким образом меня пытаются поставить на место?

– Можете поверить, что я, как отпетый полурусский, делаю это самым деликатным образом. Не хотелось бы мне, чтобы вы хоть однажды стали невольным свидетелем того, как вас ставят на место, учитывая, что делают это в ваше отсутствие.

– А почему вдруг вы столь откровенны со мной? – недоверчиво поинтересовался Семенов. – И слишком храбры, – незаметно кивнул в сторону водителя.

– Это мой шофер. Если внимательно присмотритесь к его лицу, поймете, что он тоже полурусский-полуманьчжур. Откровенность же моя происходит из сочувствия. Может, я не менее вашего желаю видеть Дальний Восток и всю Сибирь свободной страной. Свободной от большевиков и всей их прожидовской России. Если хотите, перед вами дальневосточный националист. Кстати, замечу, что если бы вам, господин генерал, все же удалось стать правителем Дальнего Востока или хотя бы Забайкалья, более удобного для японцев военного министра вам попросту не сыскать.

Семенов оглянулся. Нет, Имоти не шутил. Всего лишь пользовался случаем высказать то, чего раньше высказывать вслух почему-то не решался.

– Сабельно, подполковник. Предложение принимается. Но... так считаете только вы? Или же этот вопрос – о военном министре – уже обсуждался в штабе Квантунской?

– Японцы еще более пунктуальны и дотошны в своих планах, чем германцы. У них уже заранее разработано и предусмотрено все – вплоть до дипломатического протокола переговоров с Гитлером во время раздела Советского Союза по линии Урал – Каспийское море.

– Были бы они столь же дотошны в подготовке своей армии к войне с Россией. А то ведь на всю Квантунскую и двух автоматов не сыскать, – довольно озлобленно парировал командующий. – Долго ли с карабинами против такой автоматики навоюешься? Красные генералы в сорок первом хлебнули свое трехлинейками. Многие так и захлебнулись.

– Господин генерал! – окрысился на него Имоти. – Вы забываетесь.

– Ну, сабельно, сабельно... – признал свою горячность Семенов. – Но ведь как военный с военным.

– Так вернемся к посту министра... Вы назвали бы кандидатуру более подходящую? Если учесть, что японцы являются главным вашим союзником. Для меня это важно. Тут можете быть откровенным.

«Да уж!» – саркастически осклабился генерал.

– К разговору о союзничестве вернемся после свидания с мадам Кондратьевой.

– Мадам Лукиной.

– Лукиной? Ишь ты, соврала, мерзавка. Господь ее разопни на ее же собственных грехах.

– На ее грехах сейчас ее распинают офицеры контрразведки, – уточнил Имоти. И лошадиному заржал.

«Это в нем явно схамила душа полурусского», – сообразил Семенов, уставившись на подполковника.

– Сейчас все поймете, – с истинно японской вежливостью склонил голову Имоти, считая, что выразился недостаточно образно.

– Где она, в тюрьме? Так стоит ли мне встречаться с этой мерзавкой?

– Стоит – не стоит. Так вопрос не ставится. Вы обязаны встретиться.

– Как это понимать?

– Мы, японцы, говорим то, что говорим.

«Мы, японцы... – обиженно хмыкнул генерал, не привыкший, чтобы с ним говорили в таком резком, категоричном тоне. – Это-то как раз не о японцах».

А видеть сейчас Лукину, или как ее там, Семенову крайне не хотелось.

17

– Мой фюрер, сведения, полученные по ведомству адмирала Канариса, опять заставляют нас настораживаться. Слишком уж они неопровержимы.

– Верный признак неточности, – заметил Гитлер. – А то и лживости.

Он сидел в низеньком кресле у камина и бездумно смотрел в огонь. Холодный застывший взгляд его, казалось, способен был погасить неяркое пламя каминного костра, разведенного не столько для тепла, сколько для домашнего уюта. Впрочем, за окном, по склонам горы Оберзальцберг, все предвечерье гулял обычный для конца мая в этих краях юго-западный ветер, прорывавшийся с высокогорий Восточных Альп и приносивший с собой затяжные моросящие дожди да холодное слякотное омерзение бытия. То самое омерзение, из-за которого Гитлер в последнее время все острее недолюбливал Берхтесгаден.

Кейтель выдержал паузу, прокашлялся и, взглянув на разинутую, со свисающим набок языком пасть овчарки Блонди, словно испрашивал у нее разрешения продолжить несвоевременный доклад, уточнил:

– Речь идет, как вы поняли, о Западном фронте. Я и сам невысокого мнения о работе абвера, но в данном случае сведения его агентов веско согласовываются с общей обстановкой.

Здрав морду, Блонди устала в потолок, словно собиралась завывать, но вместо этого тоскливо потерлась мордой о боковину кресла, в котором восседал хозяин.

– Считаете, что там назревает что-то серьезное? В таком случае говорите, что именно.

– Агентура абвера дает точную дату высадки англо-американских войск на побережье Франции.

– Точную? – коварно ухмыльнулся фюрер.

– Как они считают...

– И как скоро ожидать? – полусонно пробормотал фюрер, откровенно зевнув.

– Пятого, в крайнем случае шестого июня. Возможно, это произойдет в ночь с пятого на шестое.

– Июня?!

– Да, мой фюрер.

– А в самом деле, вас не настораживает точность этой судной даты? – в голосе Гитлера появились какие-то новые нотки, скорее всего – осуждения. – Назовите тогда уж и дату конца света.

– Для нас они могут совпасть, мой фюрер.

– Это уж точно.

– Мне хорошо известно, что, когда речь идет о столь крупных операциях, точная дата в разведданных – скорее всего откровенная дезинформация, умышленно запущенная штабом противника. Но в данном случае что-то не похоже...

– Тогда чем вы готовы подкрепить, эти сведения? Замечены крупные скопления войск и техники на побережье от Брайтона до Дувра? Появились целые флотилии десантных судов англичан? Усилились налеты вражеской авиации? Где факты, фельдмаршал?

– Мы дали разведке задание усиленно прочесать весь район Южной Англии, особенно побережье Па-де-Кале.

– Не только, не только Па-де-Кале. Мы должны исходить из того, что союзники могут произвести высадку в Нормандии. Нужно быть готовыми отражать атаки их десантов в районе Шербура или даже Сен-Брие, Морле... Англичане ведь прекрасно знают, что там у нас мощная укрепленная линия.

Кейтель дипломатично промолчал, однако Гитлер понял, что тот решительно не согласен с ним. По существу, они возвращались к незаконченному спору, разгоревшемуся еще

вчера утром, когда Кейтель, высказав мнение всего штаба Верховного главнокомандования, принялся уверять его, что резервы следует концентрировать на побережье самой узкой части Английского канала, в районе, очерченном городами Булонь, Дюнкерк, Остенде.

– А я в этом не уверен, – резко возразил тогда Гитлер. – Именно на этом участке союзники как раз и не сунутся. Поскольку знают, что только там мы их и ждем.

– Но ждем мы их везде, на всем северном побережье Франции.

– Интересно, какими такими силами мы ждем их «на всем северном побережье Франции»?

– Мне трудно что-либо возразить, мой фюрер, – признал Кейтель. Однако признание его касалось разве что слишком призрачной защищенности побережья, оборона которого лишь недавно была поручена фельдмаршалу Роммелю. Поэтому начальник штаба Верховного главнокомандования тотчас же добавил: – И все же принять первый удар мы должны будем на самом узком участке Английского канала, по линии Па-де-Кале.

– Вы слишком прямолинейны, Кейтель, – холодно скаламбурил фюрер. – Вы и ваши штабисты продолжаете мыслить примитивными шаблонами обычной банальной войны. Но эта, нынешняя, война не вписывается в учебники для нерадивых курсантов кадетских училищ. Поймете вы это наконец, фельдмаршал?! Я, например, предвижу, что союзники нагло попрут через самый широкий участок пролива. Чтобы высадиться в Нормандии, в которой, в случае неудачного для них развития событий, легче будет закрепиться и можно довольно долго удерживать плацдармы.

Кейтель снял пенсне, растерянно протер стекла и, водрузив его на переносицу, уставился на фюрера.

– Очевидно, вы владеете такими данными разведки, какими не владеют офицеры моего штаба, – сухо, с чопорностью классного учителя проговорил он. – Тогда я готов пересмотреть свои взгляды на ситуацию.

– Я владею тем же, чем владеете вы, фельдмаршал! И не более того. Но, в отличие от вас, я еще владею интуицией. То есть тем, чего напрочь лишены вы... извините, – слишком запоздало добавил фюрер. Кейтель все же оставался одним из немногих генералов, с которыми фюрер не решался вести себя сколь-нибудь вызывающе. – Да, фельдмаршал, да, интуицией!

– Признаю: ваша интуиция, мой фюрер, не раз оказывала нам огромную услугу, – ступшевался начальник штаба, не ожидая, что беседа может завершиться в столь острой форме и на таких тонах.

...И вот сейчас продолжение. В более спокойном тоне, но тем не менее Кейтель чувствовал, что фюрер все еще настроен весьма скептически и по отношению к дате высадки, и по отношению к выбору виконтом Монтгомери Аламейнских плацдармов.

– Где сейчас фельдмаршал Рундштедт?

– В настоящее время, – задумался Кейтель, – должен находиться в своей ставке, если только...

– Так вызовите его сюда, фельдмаршал, вызовите, – прервал его объяснения фюрер. – Что мы гадаем, находясь в тысяче километрах от Западного фронта и забыв о существовании его командующего?

18

Генерал Семенов так и не смог понять, то ли их визит – его и подполковника Имоти – в отдел контрразведки Квантунской армии оказался совершенно неожиданным для следователя, который занимался делом красной террористки Лукиной, то ли все, что он увидел, – было именно на него и рассчитано. Дабы главнокомандующий Вооруженными силами Дальнего Востока не усомнился в том, что террористка, столь бездарно покушавшаяся на него, действительно была подослана НКВД.

Войдя в камеру, он увидел, что на покрытой циновками тахте сидит совершенно обезумевшая женщина с выпученными невидящими глазами. Распухшее посеревшее лицо ее было окаймлено слипшимися кроваво-потными космами волос, платье истерзано, вся грудь испещрена кровоподтеками, и запах... запах в этой следственной келье стоял такой, словно несколько минут назад здесь одновременно занимались сексом по крайней мере сто беснующихся пар.

– Совершенно верно, – вычитал его вопрошающий взгляд подполковник, брезгливо осматривая террористку, в которой уже невозможно было узнать ту красавицу, что появилась недавно в номере командующего. – Она оказалась не из пугливых и могла выдержать любые допросы, в том числе и с пристрастием. Однако в отношении женщин мы иногда применяем такие методы, благодаря которым сохраняем их физически, но уничтожаем морально. Госпожа Лукина не учла этого.

– Сабельно, подполковник, сабельно, – понимающе кивал Семенов.

– В отношении русских женщин этот метод японские офицеры, как видите, применяют с особым рвением. К тому же вам хорошо известно, что японцы обожают сибирячек-славянок.

– Тоже не новость, – проворчал атаман, почти с сожалением посматривая на Лукину, продолжавшую сидеть в позе крайне изможденного человека, которому совершенно безразлично, что о нем думают и что с ним происходит. По тому, как Имоти в открытую говорил при Лукиной об «особых методах» японской контрразведки, Семенов определил, что судьба ее предрешена.

«А хорошая была бабенка, при ноге и всем прочем... – подумалось ему. О том, что эта бабенка могла лишить его жизни, генералу вспоминать почему-то не хотелось. – Испохабили ее эти азиаты, а можно было бы и самому „допросить“...»

– И что удалось выпытать у нее, подполковник?

– Что послана сюда со специальным заданием, извините, убить командующего белогвардейской армией. При этом действовать должна была, исходя из ситуации: застрелить, отравить, подложить мину, натравить на вас одного из офицеров. Я все верно изложил? К вам обращаются, мадам!

– Скоты, – едва слышно проговорила террористка. – Какие же вы скоты.

– Вы, сударыня, пока что не в состоянии понять, что если бы к вам начали применять сугубо японские методы пыток: например, бить палками по пяткам, садить на подрезанные ростки бамбука или на муравейник, растягивать на канатных подвесках... – то обо всем, что с вами происходило до сих пор, вы вспоминали бы, как о райском сне.

– Он прав, мадам, – проворчал главнокомандующий. – Вы должны были знать, куда и с какой целью шли.

– А почему вы считаете, что я не понимала этого? – едва выговаривала слова обреченная. Некогда красиво очерченные губы ее распухли до такого предела, что просто непонятно было, как она умудряется совладать ими при попытке произнести что-либо членораздельное.

– Тогда что же вас возмущает?

– К своей гибели я шла совершенно осознанно. Убить вас вызвалась сама, и тоже вполне осознанно.

– То есть хотите сказать, что сами попросили направить вас в Маньчжурию, чтобы убить меня? – тяжело опустился на один из двух стоявших здесь стульев генерал.

– Представьте себе... Другое дело, что НКВД давно искал такого человека... Вот я и подвернулась.

Семенов устало, по-стариковски развел руками, давая понять, что в таком случае ничем не способен помочь ей. Даже не в состоянии посочувствовать.

– Хорошо, тогда как понимать ваше стремление? – вмешался в их диалог подполковник Имоти. – У вас были личные мотивы, заставлявшие прибегнуть к покушению на генерала Семенова?

– Это уже допрос?

– Чисто человеческий интерес. Я не следователь. Обычный японский офицер, сопровождающий господина командующего.

– Личные тоже, естественно...

Имоти выждал несколько секунд, надеясь, что Лукина продолжит свое признание, однако она сочла его исчерпывающим.

– Кто-то из вашей семьи погиб в бою с семеновцами: отец, муж, сын? Хотя простите... С сыном я поторопился.

– Вся моя семья была расстреляна карателями из дивизии генерала фон Тирбаха. Особая карательная дивизия семеновской армии – позвольте вам напомнить.

Имоти взглянул на генерала, словно он мог припомнить этот случай или же попытается отрицать его.

– Скажите, а энкавэдиста никого из вашей родни не расстреляли, не посадили, не сослали? – все с той же вселенской усталостью в голосе поинтересовался Семенов.

– Нет, – с вызовом ответила террористка.

– И никто из ваших близких, односельчан или горожан от них не пострадал? Что молчите, сударыня? Мне кажется, что по крайней мере миллион русских баб должен вооружиться и двинуться на Кремль, чтобы отомстить Сталину, Берии и всем прочим за те репрессии, которые они чинили и чинят против своего народа.

– Только они?

– Не скрою, грешен. И на мне крови немало. Только ведь не я затеял всю эту бойню в октябре семнадцатого, товарищ Лукина, видит Бог, не я. И тот, кто затевал ее, прекрасно понимал, что революция, а следовательно, и неминуемая в таких случаях гражданская война – дело кровавое, братоубийственное, а потому морально грязное, в соболях-алмазах... Попробуйте-ка возразить старому рубাকে Семенову.

Террористка молчала, уронив голову на оголенную, увядшую грудь, призывную прелесть которой генерал успел заметить даже в короткие минуты их покушенческого свидания.

– Кто конкретно прислал вас сюда? – спросил Семенов, явно теряя интерес к этой даме. – И откуда: из Москвы, Читы?

Закрыв руками лицо, Лукина продолжала молчать.

– Заговорит, – пообещал Имоти. – Еще два-три часа сексуальной пытки, и она расскажет все. Предложил бы и вам, господин генерал, поразвлечься, но, боюсь, побрезгуете.

Семенов метнул на Имоти гневный взгляд: как этот полуазиат вообще мог позволить себе молвить такое, и решительно направился к двери.

– Пока не трогать, – по-японски бросил Имоти ожидавшему их за дверью лейтенанту. – Никого к ней не впускать. Она еще пригодится.

– Зачем вы приводили меня сюда, подполковник? – угрюмо спросил Семенов, когда они вновь сели в машину. – Только откровенно. Чтобы убедить, что Лукину подослала не ваша контрразведка?

Несколько минут Имоти ехал молча, и генералу даже показалось, что он попросту не расслышал его слов.

– Вы с подозрительностью относитесь к Сото, господин командующий. Мы ведь уже не скрываем, что она является нашим агентом, но вы должны понять, что командование Квантунской армии обеспокоено вашей безопасностью. В течение двух лет это уже четвертая попытка покушения на вас, разве не так?

– Что конкретно вы предлагаете?

– Сото. Мы предлагаем вам Сото. В качестве служанки, любовницы, личного секретаря, телохранителя. Она сгодится на все случаи жизни. Кому придет в голову, что эта маленькая хрупкая японка прекрасно подготовлена в разведывательно-диверсионной школе, владеет множеством приемов джиу-джитсу и прекрасно читает лица своих клиентов, то есть обладает даром предугадывания их мыслей и поступков?

– Так ведь можно же было сказать об этом попроще, в соболях-алмазах, а не подсовывать ее, как подстилку.

– Мы попроще не можем, господин командующий, – рассмеялся Имоти. Рассмеялся впервые за все то время, пока они знакомы. – Иначе развеяли бы легенду о нашем особом, японском коварстве.

– Вы правы, – обреченно вздохнул генерал. – Я уже должен был смириться со всем. В том числе и с коварством.

– Для начала влюбиться в Сото. Не грешите против истины, это ведь совсем несложно.

– Весь ужас в том, что сей этап собственного «усмирения» я уже, кажется, прошел.

– Почему заявляете об этом столь неуверенно?

– Уже хотя бы потому, что слишком много здесь всего такого... неуверенного, – повертел рукой Семенов. – Мне подсовывают какую-то бабенку... Причем подсовывают нагло... И я должен проглатывать это молча... В конце концов, в соболях-алмазах!

– Когда вы собираетесь выразить какую-то очень важную мысль, господин командующий, вам не нужно тратить много слов, достаточно произнести это свое «в соболях-алмазах». И всему штабу бессмертной Квантунской императорской армии все станет ясно, – рассмеялся подполковник.

– А ведь бывают случаи, когда больше и сказать-то нечего. Кстати, до меня... Эта самая Сото... С кем она была?

– Ну, это уже откровенная ревность, господин генерал!

– И все же. Генерал Судзуки? Нет?

– Успокойтесь, нет.

– Ну хотя бы замужем?..

– Ее муж был истинным самураем. Служил на Филиппинах. Когда его попытались взять в плен, совершил обряд харакири.

– Ишь ты. А ее родители?

– Теперь у нее уже не осталось никого. Последняя из древнего самурайского рода.

– Ишь ты, в соболях-алмазах...

19

Лунное сияние потопно поглощало небольшую комнатку, отведенную Скорцени на вилле «Эмилия», растворяя в своих невидимых струях ночной мрак и наполняя все пространство едва осязаемыми призраками. Легкий пушистый туман поднимался над озером, словно дымок над колдовской чашей; прибрежные сосны порождали таинственные тени; томные голоса двух скорбящих сов, перекликающихся через неслышно клокочущую бездну, воспринимались как пение загробных птиц на яблонях у райских врат.

Скорцени понимал, почему князь Боргезе избрал это озеро и почему так привязан к этой местности, отдавая сырому кратеру Алессандры предпочтение перед теплыми лагунами морского побережья. Отто казалось, что здесь образовался свой, замкнутый, затерянный в горах мир, порождающий особую духовную ауру. Стоя на берегу этого озера, начинаешь абстрагироваться от всех земных чувств и привязанностей и ощущать себя посланником Вселенной. Или по крайней мере – человеком, поддерживающим связь с Высшими Силами, иными мирами.

В последние дни Скорцени предавался подобному мировосприятию все чаще и чаще, с большим упоением. На то были свои причины.

Перед отъездом сюда Скорцени встречался с Вернером фон Брауном, отцом «Фау», как его называли. Однако тема ракет, управляемых смертниками, довольно быстро оказалась исчерпанной. Причем исчерпал ее сам штурмбаннфюрер, неожиданно для конструктора спросивший его, в каком состоянии подготовка к запуску во Вселенную первых астронавтов.

Широкоскулое мясистое лицо фон Брауна покрылось легкой испариной. Он отодвинул от себя папку с какими-то бумагами и нервно пошарил волосатыми пальцами по заваленному чертежами столу, словно пытался нащупать пистолет.

– Вы задали этот вопрос как официальное лицо? – наконец нажал он на спусковой крючок своего раздражения.

– Пока нет. Но у меня есть предчувствие, что и этим фюрер тоже поручит заниматься мне. Слишком велик его интерес к общению с магелланами Вселенной, нашими Учителями из иных миров.

Браун недоверчиво взглянул на Скорцени и подергал себя пальцами за щеку – как делал всегда, когда пытался потеребить свою увядшую сообразительность.

– Что ж, если учесть, что заниматься пилотируемыми ракетами и торпедами поручили именно вам... – поделился своими догадками-сомнениями, – то почему бы не предположить и то, о чем вы только что упомянули?

– Тем более, что предположить нечто подобное не так уж трудно.

– И все же я не могу доверять вам какие-либо сведения до тех пор, пока вы не будете иметь право получать их официальным путем.

– Секреты ракетостроения, господин конструктор, даются вам значительно легче, чем канцелярские формулировки, – успокоил его Скорцени. – Сейчас этот вопрос интересует меня лишь в общих чертах, в принципе. Коль я уж занимаюсь пилотируемыми ракетами, отправляя своих камикадзе прямо к Господу...

– Если в общих, то такая подготовка ведется.

– Значит, мои сведения верны.

Лицо фон Брауна принадлежало человеку, лет на десять старше своего владельца. Все, кому приходилось встречаться с конструктором, поражались несоответствию возраста этого технического гения и его лица. Вот и сейчас он смотрел на Скорцени взглядом умудренного жизнью старца, давно забывшего, как следует объяснять молодым обычные житейские истины.

– Было бы странно, если бы фюрер не пытался связаться с Высшими Посвященными Вселенной не только путем медиумической связи, но и через космическое посольство. Конечно

же, такие работы ведутся. Причем довольно успешно, – заученно постучал фон Браун костяшками пальцев по столу.

– То есть вы верите, что, кроме Бога, там, на небесах, существует еще некто? Который знает о нашем существовании и внимательно следит за всем тем, что происходит в нашем мире?

– И даже навязывает свое видение мира, – все с той же вселенской усталостью в голосе подхватил Вернер фон Браун. – Как, впрочем, и свою волю.

– Значит, вы верите во все это?

– Вот что вас интересует в первую очередь? – отлегло от сердца конструктора. – Я бы выразился точнее: меня, всех нас, конструкторов, создателей ракет просто-таки вынуждают верить в нашу странную связь и нашу зависимость от космоса.

– Вынуждают?

– Не гестапо, естественно. Высшие Силы. Мы показались бы слишком безразличными ко Вселенной, если бы не стремились познать ее.

– Но желают ли эти силы нашего визита в космос? Что, если в их планы не входит принимать каких-либо гостей с Земли?

Фон Браун запрокинул голову и, прикрыв глаза, несколько минут тягостно молчал, словно молился или спрашивал у Высших Сил совета: отвечать ему на этот вопрос шефа диверсантов или не стоит? И если отвечать, то в каком духе?

– Будь у них такое желание, нам не пришлось бы изобретать то космическое колесо, которое они давно изобрели. Взяли да подарили бы нам свои идеи и свою технологию. Как видите, облагодетельствовать нас таким снисхождением они не спешат.

– У них могут быть веские причины.

– Можете не сомневаться, веские.

Скорцени закурил – он курил крайне редко и лишь тогда, когда нужно было сосредоточиться, – и какое-то время молча рассматривал бумаги на столе главного конструктора.

– Ясно, что их должна настораживать агрессивность землян, наша склонность к войнам. Вопрос в том, владеете ли вы такой информацией или же основываетесь только на предположениях.

– Пока лишь на предположениях. Но при этом задумываемся: а что есть наши предположения? Кем они навеяны? Кстати, господин штурмбаннфюрер, лично вы не согласились бы стать первым германским астронавтом? Как-никак «первый диверсант рейха», человек без страха... Все остальное доскажет Геббельс и его неувядаемая «Фелькишер беобахтер». Но совершенно ясно, что и в этом случае ваше имя произвело бы впечатление. Вас не удивляет мое предложение?

– Следует ли начинать знакомство с Учителями Вселенной с засылки к ним диверсанта? Там могут не так истолковать мое прибытие, – улыбнулся Скорцени. – Но если окажется, что более достойной кандидатуры вам все же не подыскать... Обсудим, дьявол меня расстреляй.

В последние дни этот разговор с генеральным фаустником рейха вспоминался Скорцени все чаще и чаще. Война подходила к завершению, а завершиться она могла лишь поражением Германии. Но поражение – тот исход, который для него, Скорцени, воспринимался как безысходность. Так, может быть, размышлял он, лучший способ пережить поражение в этом мире – отречься от него, найдя свою гибель где-нибудь во Вселенной, выполняя последнюю волю, последнее задание фюрера?

В небольшой книжке, которую в бюро Брауна ему вручили за час до встречи с шефом, говорилось, что должны пройти годы, возможно десятки лет, прежде чем астронавты достигнут планеты, заселенной разумными существами. Но есть надежда, что, едва преодолев земное притяжение, пилоты окажутся под попечительством Учителей Космоса, которые, расчувство-

вавшись по поводу научно-технических достижений рейха, наконец-то соизволят вступить в открытый контакт с его представителями – о чем давно и тайно мечтает фюрер.

Лимонный овал луны медленно погружался в чашу озера, округляясь в ней, словно головка масла в молочном ковшу.

Иногда Скорцени казалось, что он слышит, как под серебристым шатром ночи звучит органная мелодия поднебесья. Плененный ею, штурмбаннфюрер вдруг отчетливо увидел, как от борта крейсера отходит катер со смертником и, минуя небольшой островок, устремляется к силуэту вражеского судна.

Катер стремительно удалялся, но по каким-то неизвестным законам Скорцени продолжал видеть его, а иногда даже улавливал сосредоточенный облик камикадзе – лицо-маску, окаймленную фосфорическим нимбом.

«Мы все посланы кем-то на смерть, дьявол меня расстреляй, – возродился где-то в морской дали его, Скорцени, собственный голос. – Все мы „люди-торпеды“, запущенные однажды холодной рукой Творца. Другое дело, что у каждого из нас свой срок и своя цель. Вот только не каждому дано определять их по жребию, как это выпало вам, унтер-офицер Райс. Не каждому это дано... избирать свой час и свою цель по жребию. За большинство из нас этот жребий тянут где-то там, в космосе».

20

– С кем это вы там воркуете, мой штурмбаннфюрер? – тихий, вкрадчивый голос Лилии Фройнштаг малиново прозвенел за спиной у Скорцени, и штурмбаннфюрер ощутил у себя на затылке пленительный запах духов и сладостную теплоту женского тела.

– Разве? Мне-то казалось, что я молчу, как римская статуя.

– Не обольщайтесь, я слышала ваш голос.

– Мне тоже показалось, что слышал его.

Фройнштаг остановилась рядом со Скорцени и взглянула на темнеющую внизу чашу озера.

– Я и не догадывалась, что из вашего окна может открываться такой фантастический пейзаж, – едва слышно молвила она, потершись щекой о предплечье мужчины.

– Я тоже.

– Признаюсь, что открыла дверь и несколько минут наблюдала за вами. К счастью, вы не услышали скрипа двери и не почувствовали моего присутствия. Но голос ваш я слышала, собственно, какие-то отдельные, несвязные слова, будто бредили.

– Подтвердив это, Фройнштаг, вы заставили меня подумать, что это со мной говорила душа Райса.

– Кого?

– Унтер-офицера, смертника.

– Ах, смертника. Этот Райс – ваш однополчанин по дивизии «Рейх»?

– Нет.

– И давно погиб этот человек?

– Он пока еще жив. Завтра ему объявят о присвоении звания унтер-офицера и посадят в катер. «Человек-торпеда». Первый немец, которому суждено стать морским камикадзе.

– Но ведь он стремился стать «первой торпедой» рейха?

– Как знать.

– Вы значительно сентиментальнее, чем я предполагала, мой штурмбаннфюрер. Раньше я считала, что ваша сентиментальность не распространяется дальше соучастия в судьбе некоторых итальянок, вроде княгини Марии-Виктории Сардони. Пожалев в ней агента, вы тем самым...

– Здесь не место для ревности, унтерштурмфюрер, – резко прервал ее Скорцени. – Избавьте меня хотя бы от нее.

– Жаль, а то бы я сказала, что, пожалев в ней агента, вы приобрели влюбленную итальянку, – все же умудрилась высказать свое Лилия. – Но теперь я вижу, что и души все еще не погибших камикадзе тоже время от времени тормозят вас, не давая покоя.

– Вы уже распугали их своим пеньюаром, Фройнштаг. – Легкий халатик, наброшенный прямо на голое тело, действительно напоминал благоуханный пеньюар.

– Какой стремительный переход от грубости к комплиментам! Вы непостижимы, Скорцени.

Почти забывшись, Отто обнял девушку за талию и, без особых усилий усадив на подоконник, принялся нежно целовать в губы, шею, грудь...

– Хорошо, что вы догадались прийти, Фройнштаг, – прошептал он, чуть-чуть утолив жажду. – Очевидно, мне нельзя было оставаться здесь дальше одному.

– По ночам это противопоказано. Как, впрочем, и мне...

Лаская девушку, Скорцени взглянул на озеро. Лунное сияние, отражающееся в озерном плесе, показалось ему султаном взрыва, вознесшим душу «СС-коммандос» Райса вместе с его воинственным арийским духом и непоколебимой преданностью фюреру.

– Вы не собираетесь навестить ее?

– Душу Райса? – встрепенулся Отто.

– Вы с ума сошли, штурмбаннфюрер! – как можно ласковее изумилась Лилия, поняв, что несмотря на то что руки Скорцени уже проникли под халат и разгульно блуждают по ее бедрам, они по-прежнему пребывают в разных мирах. – Я действительно не должна оставлять вас здесь в одиночестве. И вообще, мы как можно скорее должны покинуть эту горную глушь. Но речь шла о Марии-Виктории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.